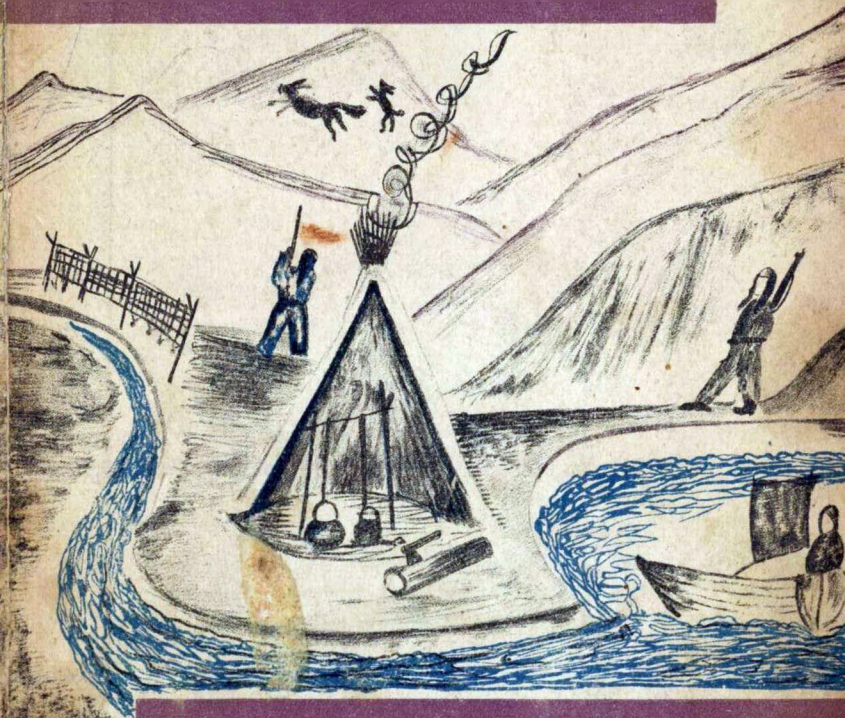

КОЛАЙ ЧУКОВСКИЙ

РУССКАЯ

АМЕРИКА

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

НИКОЛАЙ ЧУКОВСКИЙ

РУССКАЯ АМЕРИКА

ПОВЕСТЬ

Р И С У Н К И
ПЕТРА СОКОЛОВА

Издание 2-е

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА 1929 ЛЕНИНГРАД

Д. 41. Гиз № 30756/л.
Ленинградский Областлит № 28023.
6⁸/₈ л. Тираж 10 000.

МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК С ДУРНЫМ ХАРАКТЕРОМ

— Скажи, Штеллер, это ты побил Шеллингера?

— Да, господин учитель.

— Но ведь он на три года старше тебя?

Штеллер молчал.

Раз! раз! раз! хлопала деревянная линейка по пальцам Штеллера.

Лицо мальчика налилось кровью, оттопыренные уши побагровели. Скривив губы, он рванулся вперед, подпрыгнул и как кошка вцепился когтями в щеки педагога.

Мальчика высекли, заперли в карцер, а учитель побежал в аптеку за пластырем.

Георг Штеллер с раннего детства был страшный драчун и спорщик. Никто не умел с ним ладить. Товарищей в школе он бил и тиранил. Не по летам сильный и крепкий, он порой, вооружась шваброй, ходил и на старшеклассников. Его ненавидели, но перед ним трепетали. Шесть раз школьники сообща всей школой избивали его до потери сознания. Он лежал окровавленный, с распухшим от синяков

лицом, на мостовой посреди улицы, до тех пор, пока добрый зеленщик Ганс не клал его к себе на тачку, полную репы, моркови, салата, и не отвозил домой.

Поправившись, он приходил в школу еще более обозленный и дикий.

За что же терпели Штеллера в школе? Почему его не выгоняли вон?

Потому что он был лучший ученик. Когда профессора университета и советники городского магистрата приезжали в школу, он единственный мог обратиться к ним с приветственной речью по-латыни. Математику он знал лучше своих преподавателей. Он был великий мастер в черчении географических карт. Но наибольшие успехи он оказывал в естественных науках. Двенадцатилетним мальчиком он уже помогал своему учителю составлять атлас бабочек Юго-западной Германии. Этот атлас впоследствии был напечатан в университетской типографии. Потом он пристрастился к собиранию птичьих чучел, и знатный граф, владелец соседнего замка, однажды приказал его высечь за незаконную охоту в его лесах. Но высечь пятнадцатилетнего Штеллера оказалось не так-то просто. Он прикладом ружья избил до полусмерти погнавшегося за ним графского кучера и убежал. А ночью у графа от неизвестных причин сгорела рига.

Но настоящей страстью Штеллера была ботаника. Из года в год, каждое лето он собирал цветы и травы, засушивал их, наклеивал на большие листы белой

бумаги и подписывал замысловатые латинские названия. Эта коллекция растений стала вскоре известна всем образованным людям города. Впоследствии он пожертвовал ее в университет. Многие весьма влиятельные граждане отзывались о нем с уважением. Вот почему директор не смел выгнать юного Штеллера из школы, несмотря на его невозможное поведение.

Окончив школу и сделавшись студентом, Штеллер продолжал усиленно заниматься. Профессора прочили ему большую будущность. Но характер его становился все необузданнее. Он умудрялся ссориться даже с самыми расположенными к нему людьми. Каждый вечер в трактире он устраивал побоища. Приземистый, курносый, широкоплечий, с длинными узловатыми руками, наделенный необыкновенной силой, он стал грозой университета. Если на лекцию являлся студент с синяком под глазом, все знали — вчера он поспорил с Штеллером о способе опыления какой-нибудь болотной травки.

Штеллер был до невозможности обидчив и подозрителен. Ему постоянно казалось, что все строят против него какие-то злые козни, что все подсмеиваются над его некрасивым лицом, над его оттопыренными ушами. Достаточно было одного невинного слова, чтобы вывести его из себя. На воображаемые насмешки он отвечал побоями, на воображаемые козни — кознями. Его сторонились, избегали и он начал думать, что все против него затевают что-то

недоброе. Тогда он стал писать доносы. Он доносил ректору, что профессор Эрих Гофман берет со студентов взятки, что университетский кухарь Штольберг крадет казенную муку, что лаборант Пульман—горький пьяница, что геолог Штрауфер вместо того, чтобы читать лекции, рассказывает студентам забавные анекдоты. И всех он обвинял в каких-то изменах, хотя в чем заключались эти измены, понять было невозможно. Слово «изменник!» ежеминутно срывалось с уст Штеллера.

Ректор, читая эти бессмысленные доносы, сначала улыбался. Но когда их стало слишком много, он начал хмуриться. Озлобление против Штеллера все усиливалось. Обиженные ученые требовали удаления доносчика из университета. Но ректору не хотелось лишаться такого талантливой студента.

Он вызвал Штеллера к себе и стал объяснять ему, как гнусно писать доносы. Штеллер слушал сначала молча, потом побагровел, схватил стул и с диким криком четыре раза ударил стулом ректора по голове. Сбежались слуги и вытолкали разбушевавшегося студента на улицу.

На другой день было объявлено об исключении Георга Штеллера из университета.

Это был непоправимый удар для всей семьи. Отец Штеллера, бедный сапожник, всю жизнь мечтал о том, что его Георг станет ученым и выйдет в люди. И вот мечты эти рухнули. Георг остался недоучившимся студентом, не приспособленным к жизни че-

любеком. Обучать его сапожному ремеслу было уже поздно.

Жизнь Штеллера сделалась мрачной и тягостной. Друзей у него не было — он был одинок. Все его сторонились. Человек подвижной и энергичный, он не мог оставаться без дела.

И вот однажды он надел свой лучший камзол, натянул на ноги высокие ботфорты, прицепил к боку шпаянку, вскинул на плечи дорожный мешок и вышел из дому.

На дворе его встретил старик-отец.

— Куда ты, Георг?

— Я не желаю больше жить в этом проклятом городе! Здесь все скоты и изменники. Я отправлюсь туда, где умеют ценить настоящих людей.

— Куда же, сынок?

— На край света, в Россию.

Отец от изумления и испуга прислонился к стене своего домика.

— Ты сумасшедший! Там волки и белые медведи стаями рыщут по улицам городов. Там снег никогда не тает, солнце не восходит, там стужа такая, что замерзает воздух и становится крепким, как лед. Там живут люди с собачьими головами...

Но Георг уже шагал по дороге, не слушая своего бедного, перепуганного отца. Губы его злобно бормотали:

— Изменники, изменники, изменники...

Старик догнал его и сунул ему в карман восемь-

десять талеров --- все, что скопил за свою долгую трудную жизнь.

Было это почти двести лет тому назад --- в 1734 году.

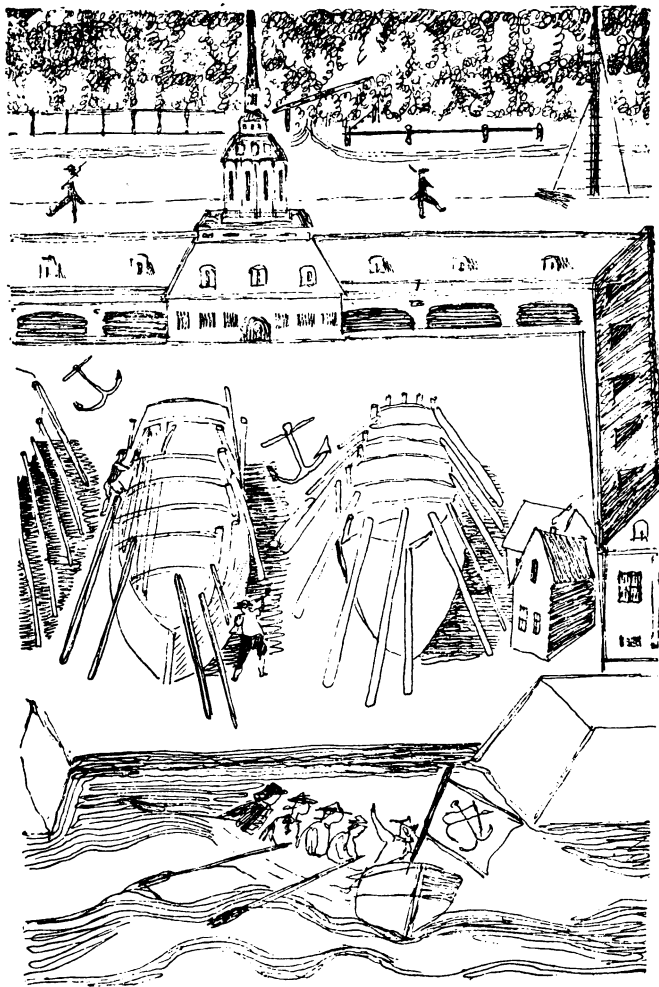
САНКТ-ПИТЕР-БУРХ

Штеллер пешком пришел в Голландию, в большой торговый город Амстердам. Отсюда ежедневно уходили корабли во все концы света. Штеллер скоро разыскал корабль, отправлявшийся в новую столицу Московского государства — в Санкт-Петербург. Капитан корабля вез в Россию сукно для солдатских мундиров и собирался привезти оттуда груз мехов и льна. Штеллер, широкоплечий, здоровый, приглянулся капитану. Он согласился взять его с собой в Россию с условием, что бесплатный пассажир будет работать на корабле наравне с простыми матросами.

Плыли они долго. У берегов Дании их потрепала сильная буря. По пути заходили в Любек, Данциг и Ригу. И в середине августа прибыли в устье Невы.

В то время в России царствовала Анна Иоанновна, племянница Петра Первого.

Странный город увидел Штеллер. На низких болотистых островах росла ольха. На пустырях, в грязи, стояло несколько больших прекрасных зданий, отделенных друг от друга речками, лужами, топью. Рвы, канавы, насыпи пересекали город во всех направлениях. Всюду валялись бревна и серые глыбы гранита. Сосновые сваи торчали из земли,

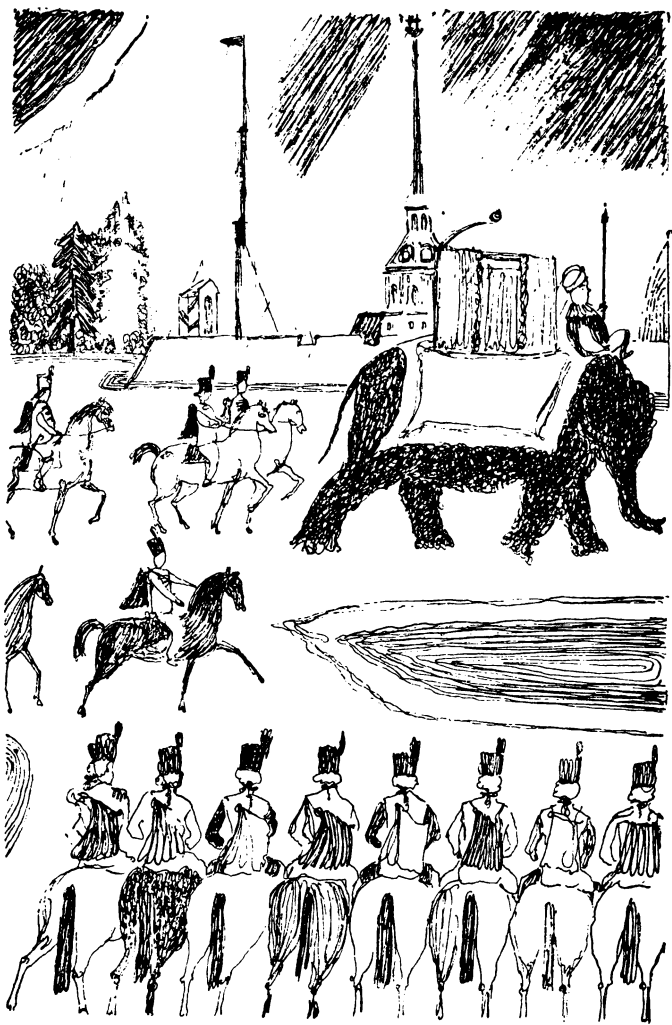

сдерживая рыхлую, готовую расползтись почву. И ни одного моста во всем городе, ни одной замощенной улицы. Только в тех местах, где дорога пересекала трясины, и лошади рисковали провалиться в грязь по брюхо, были набросаны булыжники, создававшие нечто в роде мостовой. Да возле дворцов для пешеходов проложили узкие деревянные мостки. Впрочем, жители Петербурга предпочитали ездить друг к другу на лодках: это было удобнее и безопаснее.

Над городом высилось два позолоченных шпиля — с правой стороны Невы шпиль Петропавловской крепости, с левой — шпиль Адмиралтейства. Адмиралтейский шпиль был еще не окончен — мастера обивали его листовым железом.

Просторный квадратный двор Адмиралтейства был завален дубовыми бревнами: там строились громады кораблей. Неподдалеку возвышался пышный дворец императрицы. За ним был разбит прекрасный парк с гротами, беседками, фонтанами. Его называли Летний сад. А дальше шли жалкие хижинки бедняков с крышами из древесной коры.

У речки Фонтанки стоял большой сарай, в котором жил слон, подаренный русской царице персидским шахом. Слона каждый день водил гулять высокий араб — «слоновый мастер». За ним бежала толпа любопытных, главным образом гарнизонных солдат. Мальчишки пвыряли в слона камнями из-за забора. А за Фонтанкой начинались леса, в которых прятались разбойники и воры.

Отец Штеллера ошибался. Здесь не было людей с собачьими головами. Но Георгу часто встречались головы и пострашнее собачьих: с отрезанными ушами, вырезанным языком, с отрубленным носом, с язвами, выжженными на лбу и на щеках каленым железом. Это были следы пыток, производимых в Тайной розыскных дел канцелярии. Там пытали и калечили подданных императрицы за малейшую провинность.

Необузданное богатство и великолепие уживалось тут рядом с потрясающей нищетой и грязью. В Германии тоже были богатые и бедные люди, но такой необыкновенной разницы между богатством и бедностью Штеллер еще не видел нигде. Вельможи жили в пышных дворцах, окруженные многотысячной челядью, разъезжали в золоченых каретах. А из дальних губерний каждый год пригоняли толпы подневольных холопов, царских да барских крестьян, чтобы рыть каналы и строить дворцы. Не было ни лопат, ни заступов, и они землю носили в подолах, камни ворочали голыми руками, а жили в землянках на болоте. Жалования им не давали, полагалась только пища, да и ту разворовывали государынины чиновники. Наступали холода, и они мерзли, мерли, за городом росли обширные кладбища. Но весной пригоняли новые тысячи, а кладбища, переполненные до краев, сдавали купцам под огороды: так они и назывались -- «огороды на могилках». Здесь росла особенно тучная репа.

Сойдя с корабля, Штеллер сел в повозку и затрясся

по ухабам в Академию наук. Все академики в то время были немцы. По повелению Петра, из-за границы выписывали ученых, платили им приличное жалование и назначали в Академию. Ученые эти были, в большинстве случаев, не самого первого сорта. В Россию ехали люди, засидевшиеся в германских университетах на низших ученых степенях, чтобы сразу выдвинуться, заработать хорошие деньги и вернуться в Германию состоятельными людьми. Но уехать из России было не так-то просто. За границу их не выпускали, их держали взаперти как ученых мартышек.

Особенно плохо пришлось бедным ученым после смерти Петра. Петр понимал пользу образования и покровительствовал им. Но когда он умер, академикам пришлось угодничать и низкопоклонничать перед всесильными, невежественными и грубыми вельможами, которые с глубочайшим пренебрежением относились к несчастным иностранцам. Ведь те не могли похвастаться ни знатностью, ни богатством. Их взашей выгоняли из княжеских домов, их заставляли сочинять латинские стишки к именинам сенаторских дочек, их мог оскорбить каждый пьяный гвардейский офицер.

Штеллера принял академик Зигфрид Байер. Штеллер вкратце рассказал ему, кто он такой, и попросил устроить его на какую-нибудь работу.

— Хорошо, — сказал Байер, — я попробую определить вас домашним врачом к архиерею Феофану.

— Увы, господин академик, — возразил Штел-

лер, — я не врач, а ботаник. Правда, я изучал немного и медицинские науки, но благодаря проискам всяких подлецов и изменников мне не удалось кончить университета.

Байер расхохотался.

— Неужели вы не знаете, — сказал он, — что в России все немецкие унтер-офицеры становятся генералами, а все студенты — врачами? А если бы вы были в Германии булочником или солдатом, вас бы здесь сделали педагогом, просветителем юношества.

Байер написал архиерею почтительное письмо, в котором рекомендовал ему только-что приехавшего из-за границы известного врача. Штеллер взял письмо и вышел.

Вице-президент Святейшего синода, его преосвященство архиерей новгородский Феофан Прокопович, родом украинец, был человек умный, хитрый и образованный. В молодости, окончив Киевскую духовную академию, он отправился в Рим и принял там католичество. Феофан Прокопович пять лет прожил в Италии, изучал науки, которые в те времена и не снились его родным киевлянам. Вернувшись в Россию, он снова перешел в православие и постригся в монахи. Толковый и предприимчивый, он сумел обратить на себя внимание императора Петра, сказав блестящую проповедь о Полтавской победе. Петр вызвал Феофана в Петербург, сделал его архиереем и назначил вице-президентом Святейшего синода. Обманами, талантом, хитростью, лестью, образова-

нием, ложью, умом и, главное, тесной дружбой с Тайной Канцелярией Феофан сумел подчинить себе всю русскую церковь, стать одним из влиятельнейших вельмож в России. Он короновал трех русских монархов: Екатерину Первую, Петра Второго и Анну Иоанновну. И монархи не забывали его услуг.

Феофан жил в самом конце Петербургской стороны, на берегу речки Карповки. Штеллер сел на извозчика и поехал по прямой, как стрела, но непролазной от грязи дороге, которая вела на Каменный остров. Вскоре деревянные домишки, окружавшие Петропавловскую крепость, кончились, и по обеим сторонам дороги потянулся хилый болотный лесок. В то время большая часть Петербургской стороны была покрыта лесом.

Извозчик остановился перед целым скопищем деревянных строений, состоящих из приземистых церквушек с зелеными куполами, из сараев, кладовок, конюшен и кухонь. Посередине стоял одноэтажный длинный деревянный дом с деревянными колоннами у подъезда — покои его преосвященства. По закоулкам дворов и переходов, между ослепительно белых гусей и курносых поросят, беззвучно бродили и беззвучно шептались монахи — длинные, тощие, остробородые, долгополые, в черных клобуках. Шопот здесь никогда не нарушался. Каждое лишнее слово приводило к пытке, к ссылке, к казни. Деревья и камни, земля и воздух имели здесь уши. Здесь царствовал лозунг: предавай, а не то предадут тебя.

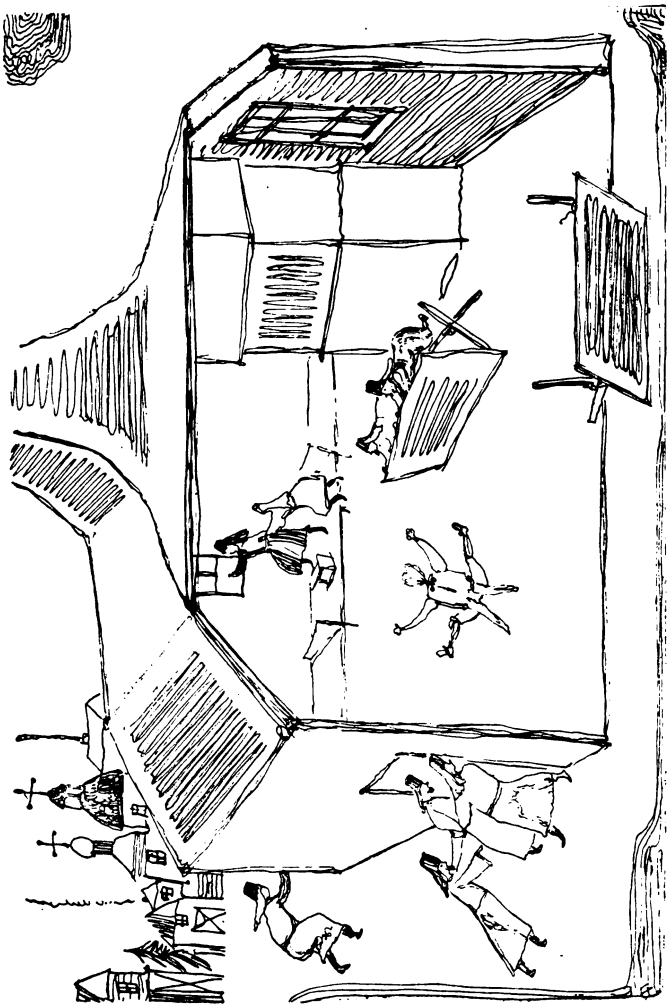
Появление широкоплечего немца с зычным голосом произвело небывалый переполох. Гуси загоготали и захлопали крыльями, поросята завизжали, заскрипели на петлях двери, монахи забегали по двору, высоко задирая полы.

Георг Штеллер поселился в доме его преосвященства. Архиерей обошелся с ним ласково.

Феофан Прокопович свободно говорил на семи языках, не считая русского и украинского: по-латыни, по-немецки, по-французски, по-гречески, по-итальянски, по-польски, по-еврейски. Со Штеллером он предпочитал изъясняться по-латыни, так как считал латынь самым благородным и самым ученым из всех языков.

Штеллер зажил спокойной, сытой жизнью. У Феофана была великолепная библиотека в тридцать тысяч томов на самых различных языках. Штеллер набросился на чтение. Жадный до знаний, он все схватывал на-лету и запоминал на всю жизнь.

Не забывал он и своей любимой науки — ботаники. Каждым летом Феофан вместе со своим двором переезжал на дачу в Ораниенбаум. Штеллер уходил в поле, в лес, собирал травы, цветы, мхи. Вечером он садился за стол и подробно описывал по-латыни все найденные растения. Таким образом составилась замечательная книга — первый научный труд о растительности северо-западной России. Впоследствии эта книга была издана и прославила имя Штеллера в ученых кругах всего мира.

2 Русская Америка.

Характер сварливого немца, казалось, улучшился. Но это было только временное затишье. Вначале он совсем не знал русского языка и поэтому ни с кем не общался, кроме Феофана. Но такое благополучное положение дел длилось недолго. Через год он уже свободно объяснялся по-русски и начал вступать в споры с монахами. К несчастью, архиерейский двор славился удивительным пивом, которое варил феофанов эконо́м Герасим. Пиво Штеллер способен был пить ведрами. Напившись, он приходил в бешенство, драл монахов за бороды, разгонял их по всем углам, как пес, забравшийся в птичник, разгоняет кур и уток. Монахи удирали, задрыв рясы, а на утро жаловались его преосвященству. Штеллер тоже не оставался в долгу и писал на них злейшие и пространнейшие доносы. Феофан очень любил доносы, но Штеллер доносил не на тех, на кого нужно было. Он ябедничал архиерею на его вернейших и преданнейших слуг. Феофан улыбался, прятал доносы Штеллера «на всякий случай» в стол, и полчища врагов невоздержанного немца все разрастались.

Летом 1736 года Феофан опасно заболел. Штеллер перепугался. Если Феофан умрет, он лишится своего единственного покровителя, и враги погубят его. Он почувствовал, что надо возможно скорее убираться отсюда, и стал приставать к Феофану, чтобы тот устроил его на какое-нибудь другое место.

Феофан дал ему рекомендательное письмо, и Штеллера приняли на службу в Академию наук со зва-

нием адъюнкта натуральной истории и отправили на Камчатку под начальство капитан-командора Витуса Беринга.

Осенью умер Феофан, а весной 1737 года Георг Штеллер выехал в Сибирь.

САМАЯ ДЛИННАЯ ДОРОГА В МИРЕ

Сибирь. В те времена это было страшное слово.

Штеллер сел в казенную повозку, запряженную тройкой лошадей, и помчался по извилистой лесной дороге. В этой повозке он и спал и ел. Каждое утро, после дня и ночи бешеной скачки, его подвозили к почтовой станции, где выпрягали измученных лошадей и запрягали новых, чтобы скакать новые сутки. Дни шли за днями, недели за неделями, месяцы за месяцами, наступили июльские жары, потом пошли дожди и посыпался осенний желтый лист, а Штеллер все скакал и скакал.

И справа и слева тянулись дремучие леса. Не раз Штеллера будил ночью близкий волчий вой. Лошади шарахались в сторону, потом неслись вперед, закусив удила и судорожно дергая ушами, пока спины их не покрывались клочьями пены и усталость не подкашивала ног.

Они перебирались через высокие горные хребты, переплывали на плотках через реки, широкие, как море. Наступила зима, выпал снег. Штеллера пересаживали из повозки в сани и повезли дальше. Стужа

леденила кровь, вьюги наметали сугробы, реки превратились в огромные ледяные поля, а Штеллер по-прежнему видел качающуюся на козлах спину ямщика и слышал однозвучный звон колокольчика. Это была самая длинная дорога в мире, и нелегкое дело проскакать ее из конца в конец.

Людей они встречали до странности мало. Штеллер порой по неделям не видел ни одной деревушки. Эта необъятная страна была пустыней. Но изредка они нагоняли толпу людей, пешком бредущих по нескончаемой дороге.

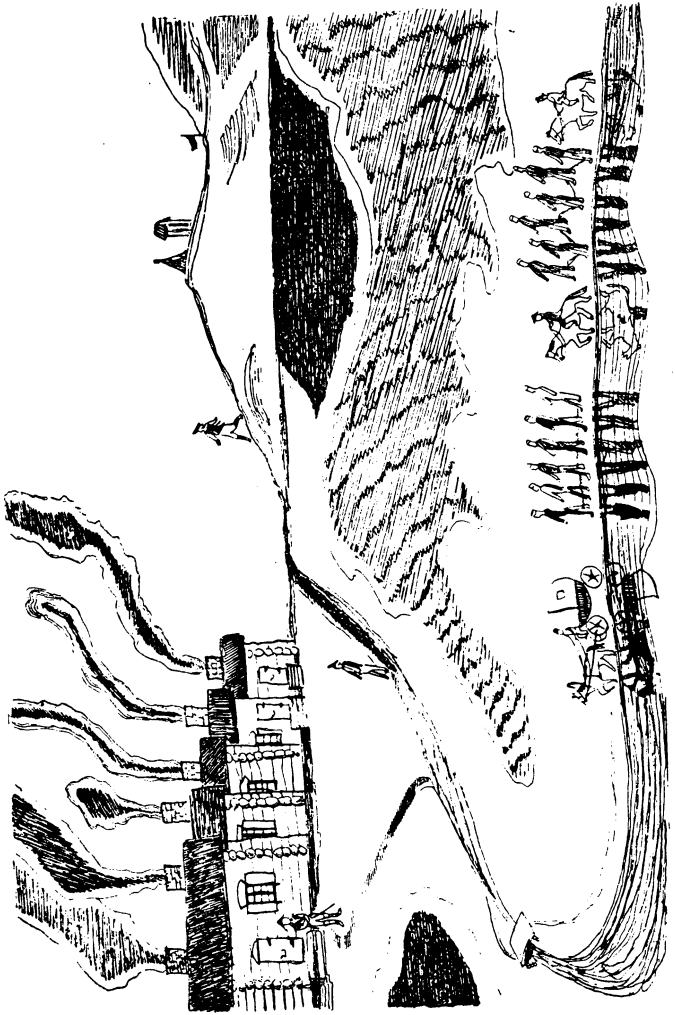
— Гей, берегись! — кричал ямщик.

Люди сторонились и оборачивались. Штеллер видел лица, изуродованные каленым железом, голое тощее тело, торчащее из рваных лохмотьев, руки и ноги, переломанные на дыбе. Это были преступники, сосланные после пыток в Сибирь на каторжные работы в Нерчинских рудниках. Их сопровождали конные казаки с длинными пиками.

— Милостыню, господин! Милостыню, Христа ради! — кричали каторжники, завидя повозку Штеллера.

Штеллер машинально швырял им несколько медных монет. Но мысли его были заняты другим.

Он думал о том, что в самом конце этой бесконечной дороги, за холодным Охотским морем, на Камчатке, вот уже много лет живет его будущий начальник капитан-командор Витус Беринг и строит корабли. Корабли эти нужны были для грандиозной

экспедиции из Камчатки в Америку, задуманной еще при Петре Первом.

Петр знал, что земля огромный шар. Плывя на запад и плывя на восток, приплывешь к одному и тому же месту. Жители Западной Европы всегда плавали на запад — им так было удобнее. Америку они открыли, плывя на запад. Поэтому им была известна только восточная часть Америки, прилегающая к Атлантическому океану. А далеко ли она простирается — никто не знал. Одни ученые утверждали, что американский материк доходит до самой Азии и даже на севере соединяется с ней. Другие держались мнения, что Америку от Азии отделяет узкий морской пролив. Третьи говорили, что берега Америки и Азии нигде не сближаются и что между ними лежит целый океан. Народы Западной Европы открывали мир, идя на запад. Русские всегда шли на восток. За двести лет они простерли свои владения через всю северную Азию, до Тихого океана. И Петр стал мечтать о вторичном открытии Америки, об открытии ее с другой стороны. Эту задачу он поручил капитану Витусу Берингу.

На дикой безлюдной Камчатке не было ни верфей для постройки кораблей, ни нужных строительных материалов, ни людей, которые могли бы стать плотниками или матросами. Все это приходилось везти из России через всю Сибирь. Стальные якоря распиливали в Петербурге на части, паруса разрывали на полосы, складывали в телеги и везли к Тихому

океану. Туда же тянулись обозы с соленой свиной и морскими сухарями. Вслед за обозами скакали корабельных дел мастера, плотники, конопатчики, штурмана, матросы и казаки. Казаки нужны были для покорения диких народов, населяющих Америку.

Для постройки кораблей начальник экспедиции Витус Беринг выбрал превосходную естественную гавань — Авачинскую губу на юго-восточном побережье Камчатки. Туда были собраны все материалы, согнаны все люди, и через несколько лет там образовался целый городок, который назвали Петропавловск.

Штеллер давно мечтал побывать в диких неведомых странах. Он был страстно предан науке, и возможность обогатить человеческие знания приводила его в восторг. Сколько новых растений опишет он в своем дневнике! Сколько диковинных, никогда невиданных зверей и рыб встретит он во время путешествия! Какие народы подарит он цивилизованному миру!

— Скорей! Гони! — кричал он ямщику, тыча его в спину набалдашником трости.

Но ехать зимой в саях по Сибири не легко. Подъезжая к Томску ночью, в сорокаградусный мороз, Штеллер схватил воспаление легких. Он не болел никогда в жизни, это была его первая болезнь. Он был в беспамятстве, когда его вытащили из саней, и не приходил в себя в течение нескольких недель.

За ним ухаживала рябая мещанка, на квартиру которой приказал свезти больного Штеллера томский полицеймейстер.

Очнувшись, Штеллер потребовал мяса и водки, и заорал:

— Запрягайте лошадей! Я еду сию же минуту.

Напрасно хозяйка старалась удержать его, — больной свирепо обругал ее, оделся и выбежал на порог. Но на пороге ему сделалось дурно, и он упал. Хозяйка притащила его назад, и он долго злобно барахтался в постели, ругаясь и проклиная все на свете.

Уехать из Томска ему удалось только поздней весной. Опять потянулась бесконечная дорога, еще более пустынная, чем прежде. Шли месяцы. Новое лето сменилось новой осенью, настала зима, а Штеллер все скакал и скакал. В январе 1739 года он прибыл в Енисейск. В Енисейске Штеллер встретился с естественным испытателем Миллером, тоже будущим участником Беринговой экспедиции. Он безумно обрадовался этой встрече. Наконец-то он нашел человека, с которым можно поговорить о растительности Сибири, о предстоящем путешествии, о великих открытиях, которые ждут их впереди. Он с жаром таскал Миллера по всем убогим енисейским трактам. Миллер приехал в Енисейск для закупки разных строительных материалов, необходимых экспедиции. Он обрадовался Штеллеру, потому что мог поручить ему сопровождать обоз, отправляемый на

Камчатку. Сам Миллер должен был еще остаться в Енисейске.

— У меня здесь много дела, — говорил он Штеллеру. — Я вас догоню через три месяца.

Штеллер сперва отказывался, уверял, что сопровождение обоза страшно задержит его, что он прислан сюда для более важных дел, но в конце концов согласился.

С обозом он поехал гораздо медленнее. Не мало прошло времени, прежде чем он приехал в Иркутск. Тут его ждала новая задержка. Иркутское начальство должно было ему выдать денег на дальнейшее путешествие. В казначействе ему заявили, что деньги еще не присланы из Петербурга и что придется подождать.

Штеллер и тут прибегнул к своим излюбленным методам. Он ругался, угрожал, кричал, но ничего не помогло. Пять месяцев просидел он вместе с обозом в Иркутске, не имея ни копейки на обед, питаясь хлебом да квасом. Наконец, приехал сильно запоздавший Миллер и сразу понял, в чем дело. Он невзначай, здороваясь с главным казначеем, сунул ему за рукав двадцать рублей, и деньги Штеллеру были немедленно выданы. Миллер сам взялся сопровождать обоз дальше, и Штеллер ускакал вперед один.

Наступила уже зима, когда он добрался до реки Лены. Лена замерзла и превратилась в широчайшую снежную дорогу, тянущуюся на несколько тысяч верст. Всю зиму Штеллер мчался в санях по Лене и в мае 1740 года приехал в Якутск. Здесь он не мог

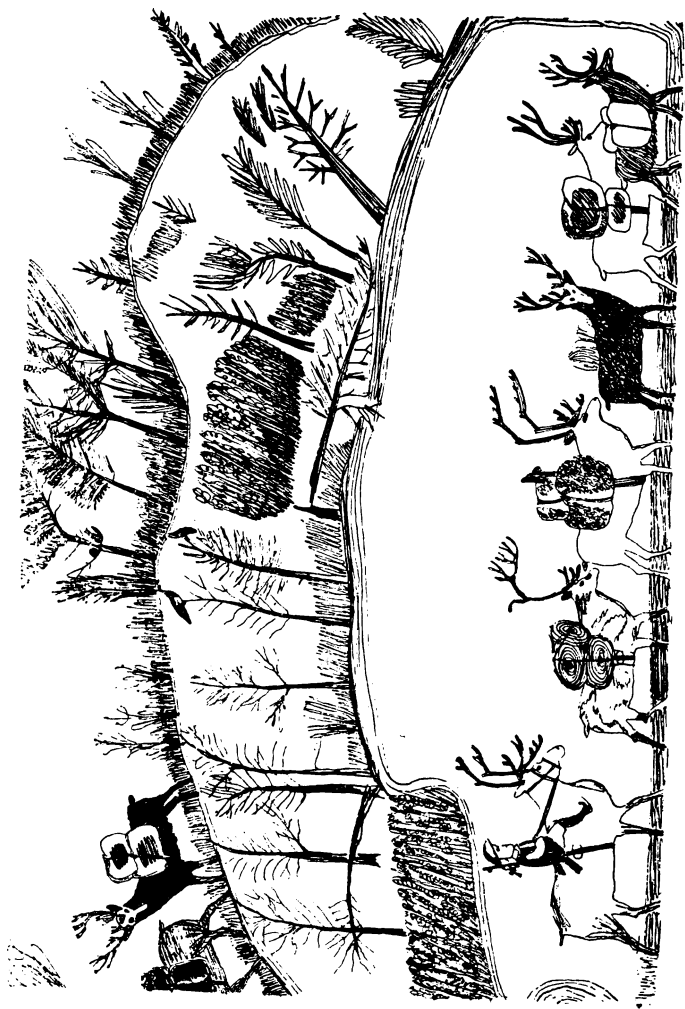
остановиться ни на один день. Если он до августа не попадет в Охотск, он застрянет там до будущей весны, потому что никто зимой не согласится перевести его на Камчатку через бурное Охотское море.

В те времена между Якутском и Охотском не было проезжей дороги. Там существовали только лесные тропинки, по которым нужно было пробираться верхом. Все припасы, которые везли из России на Камчатку для Беринговой экспедиции, в Якутске выгружались из возов и вьючились на лошадей и оленей. Штеллер сел верхом на оленя и в сопровождении проводника-якута тронулся в путь.

Все лето ехали они по дремучей тайге. Ночами спали по очереди — три часа якут, три часа Штеллер — потому что боялись нападения медведей. За три месяца только один раз встретили людей, когда набрали на кочевье тунгусов. 20 августа утром с гор увидели море. А вечером въехали в Охотск — жалкую приморскую деревеньку, населенную, главным образом, ссыльными.

В Охотске Штеллера поджидал парусный бот. Вместе с ним ехало несколько матросов и казаков. На другой день подняли паруса и вышли в море. Целый месяц носило их по волнам. Они обогнули мыс Лопатку, прошли мимо Курильских островов, и 21 сентября 1740 года прибыли в Петропавловский порт.

На переезд из Петербурга в Камчатку Штеллер потратил три с половиной года своей жизни. Так

длинна была эта необъятная дорога. Правда, спешная почта в те времена доставлялась из Камчатки в Петербург в год с небольшим, но ее везли курьеры, которые нигде не останавливались и сменялись каждые пятьсот верст. Штеллер сильно изменился за путешествие. Из Петербурга он уехал совсем молодым человеком, в Петропавловск прибыл старше, увереннее, внушительнее. Но характер у него остался такой же.

Он высадился на берег поздно вечером. Перед ним чернел длинный ряд бревенчатых изб.

— Где здесь Беринг? — спросил он у первого встречного.

Ему показали избу, которая была несколько больше других. В окнах ее светился огонек.

Штеллера встретил высокий голубоглазый датчанин, с усталым, равнодушным и спокойным лицом.

— Я прислан к вам Академией наук, — заторопился Штеллер. — Все научные исследования во время путешествия буду производить я. Когда мы выходим в море? Какие неотложные дела должен я разрешить? Распоряжайтесь мной, капитан.

Беринг взглянул на своего гостя без всякого интереса, с нескрываемой скукой в глазах.

— Ложитесь спать, — распорядился он.

КАМЧАТКА

Штеллер был глубоко оскорблен приемом, который оказал ему Беринг.

Начальник экспедиции за долголетнюю жизнь на Камчатке свыкся с товарищами. Он во всем советовался с ними. Присланный из Академии наук самоуверенный немец с трактирными замашками не понравился ему. Штеллер, не знакомый ни с бытом, ни с условиями работы в экспедиции, всюду совал свой нос, проявлял кипучую деятельность, всех торопил, требовал, чтобы во всем с ним советовались, и если кто-нибудь возражал ему, начинал кричать:

— Изменники! изменники! Я буду жаловаться на вас в Сенат!

Эти постоянные угрозы жаловаться в Сенат совсем не нравились Берингу. Он давно уже был не в ладах с Сенатом и стал подозревать, что Штеллер шпион, присланный следить за ним. Сенат постоянно торопил Беринга и требовал, чтобы он возможно скорее отправлялся в путь. А Беринг не любил торопиться. Он делал все медленно, аккуратно, осторожно.

— У вас в Петербурге думают, — говорил он Штеллеру, который хотел как можно скорее выйти в море, — что построить два корабля на Камчатке — простое и легкое дело. Так могут рассуждать только невежды. Прежде чем начать строить корабли, нам пришлось выстроить город, чтобы поселить рабочих в этой пустыне, и выстроить верфь.

Сенат, недовольный Берингом, вдвое уменьшил ему жалованье. Это обрекало семью Беринга, жившую в Выборге, на полуголодное существование.

И начальник экспедиции стал тяготиться своим делом. Он теперь мечтал поскорее выполнить возложенное на него поручение и уехать из этих пустынных земель.

Недружелюбно принятый офицерами, Штеллер сошелся с плотниками и казаками. В обществе простых людей ему было легко и весело. Они не задевали его болезненного самолюбия. К начальству они относились со скрытой враждебностью, и он чувствовал в них своих единомышленников.

Штеллер не любил и не умел сидеть без дела. Ему не позволили принять участие в управлении экспедицией — он злился, скандалил, потом шел на верфь, брал топор и работал вместе с плотниками. Благодаря своей огромной силе, он мог работать сколько угодно часов под ряд. Кроме того, ему очень помогал курс кораблестроения, прослушанный им когда-то в университете. Не хватало ему только терпения — он всегда рубил с плеча и портил много материала.

Каждому участнику экспедиции, кроме простых матросов, полагался денщик. Беринг распорядился, чтобы Штеллеру тоже дали денщика. И в избушке Штеллера поселился казак Савва Стародубцев, который чистил ему сапоги и варил обед. Штеллер быстро подружился со своим денщиком. Савва был высокий, степенный, бородатый мужик. По натуре домосед, он не понимал, зачем это людям надо ездить на край света, когда можно сидеть у себя в деревне и пахать землю.

— Такая наша казачья жизнь, — жаловался он Штеллеру. — Нас всегда куда-нибудь гонят.

Он чудесно знал природу Сибири. Услышав в лесу птичий свист, он мог сказать, какая это птица, где она живет, чем питается, как на нее надо охотиться. Ему были известны все звериные повадки, все деревья и травы. Он дал Штеллеру множество ценных сведений, которых пылкий ботаник нигде не мог раздобыть — когда цветут какие цветы, когда поспевает какая ягода.

Другим другом Штеллера стал живописец Плениснер, прикомандированный к экспедиции, чтобы зарисовать достопримечательности всех неведомых стран, которые посетят путешественники. Плениснер рисовал не слишком хорошо, но зато был страстный охотник. Он завел на Камчатке добрую свору собак и целые дни травил зайцев, стрелял белок, уток, соболей, песцов, ходил даже на медведя.

Штеллер сопровождал Плениснера на охоту, изучал местность и однажды взобрался с ним на вершину Авачинского вулкана, одного из самых крупных на Камчатке. Стоя у края дымящегося кратера, он рассуждал о причинах землетрясений. Скромный Плениснер слушал и молчал. Он всегда соглашался со всем, что бы ни говорил его новый приятель, и Штеллер, который терпеть не мог никаких возражений, особенно ценил в нем это качество.

Иногда они вдвоем заходили в деревню коряков или камчадалов — нищих дикарей, разоренных на-

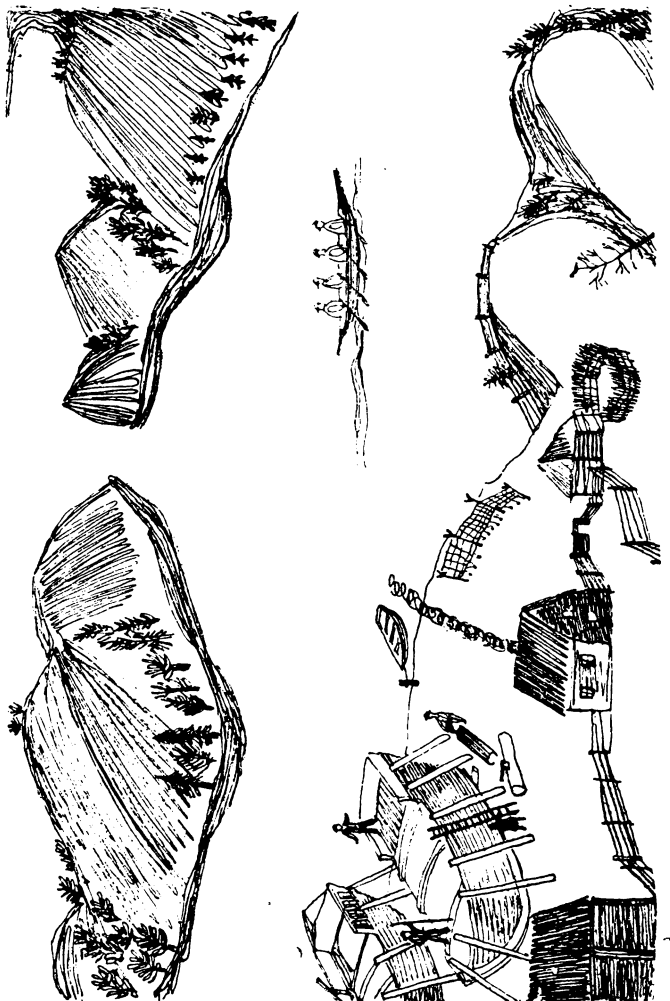
логами, которые взымали с них русские завоеватели Там Штеллер записывал камчадалские слова, покупал наконечники стрел, одежду, утварь. Изучение мало известных народов интересовало его так же, как изучение растений.

Первое время Штеллер дружил и с мастером Софроном Хитровым. Во всей экспедиции было только двое русских, своими знаниями морского дела снискавших к себе уважение иностранцев — помощник Беринга Чириков и мастер Софрон Хитров. Остальных русских немцы ни в грош не ставили. Хитров был молчалив, спокоен и, слушая рассуждения Штеллера, только лукаво улыбался себе в бороду. Штеллеру улыбка эта была непонятна, и он стал подозревать Хитрова в кознях и каверзах. После рождества их отношения стали очень холодными.

Постройка кораблей мало-по-малу подвигалась, и к весне они были, наконец, готовы. Их было два — один назывался «Петр», другой «Павел».

Двухмачтовые, пузатые, поднимающие по шести тысяч пудов каждый, они казались не слишком быстроходными, но были прочны и устойчивы. Их оснастили и поделили между ними двадцать восемь небольших пушек, привезенных из Иркутска. Потом стали грузить солониной, морскими сухарями, мукой, крупой, дровами и бочонками с пресной водой.

В конце мая Беринг созвал совет для того, чтобы распределить своих подчиненных по кораблям. Решено было, что на «Петре», которым должен был ко-

3 Русская Америка.

мандовать сам Беринг, поедут: лейтенант Ваксель, мастер Софрон Хитров, старый бывалый штурман Эзельберг, Плениснер и Овцын, лейтенант, разжалованный в матросы за несколько дерзких слов, сказанных им об императрице Анне. Туда же попал и Штеллер. Беринг предполагал, что американские дикари говорят на том же языке, что и дикари, живущие на Камчатке, и взял с собой в качестве переводчика коряка по имени Пячка. Командиром «Павла» был назначен Чириков. Под начальство ему дали лейтенанта Чихачева, мастера Абрама Дементьева и штурмана Елагина. Всего на «Петре» ехало семьдесят семь человек, а на «Павле» семьдесят пять.

4 июня 1741 года оба корабля вышли из гавани Петропавловска в открытое море. Ветер дул попутный, вулканы Камчатки быстро таяли вдаль.

Георг Штеллер чувствовал себя совершенно счастливым.

АМЕРИКА

Плыли сначала на юго-восток, потому что на старых французских картах к юго-востоку от Камчатки был обозначен какой-то остров. Этого направления держались целую неделю, пока не убедились, что карты врут и никакого острова там не существует. Неправильно взятый курс был первой неудачей экспедиции. Он заставил мореплавателей потерять много драгоценного времени.

Беринг приказал идти прямо на восток, к Аме-

рике. Вѣтер дул довольно слабый, но попутный. Море было спокойно. Впереди шел «Павел», вслед за ним «Петр». Оба корабля держались так близко друг к другу, что между ними порой можно было перекрикиваться.

19 июня на море спустился туман. Он был густой, как вата, и совершенно скрыл море от взора. Люди на палубе узнавали друг друга только когда сталкивались вплотную. Паруса, мачты, доски покрылись сыростью. Моряки были так мокры, будто их вымочил проливной дождь. Но пришла ночь, подул свежий ветер и разогнал туман.

Рано утром Штеллер вышел на палубу, оглядел горизонт и закричал:

— Где «Павел»?

Беринг и Хитров уже искали в подзорные трубы исчезнувшее судно. Море было совершенно пустынно. «Павел» пропал бесследно. Всюду, куда ни взглянешь, видны были одни только белые гребни волн.

Беринг решил пальбой из пушек подать сигнал Чирикову. Море огласилось канонадой. Все четырнадцать пушек стреляли зараз, и, сидя в каюте, можно было подумать, что «Петр» участвует в морском сражении. Все на корабле напрягали слух, стараясь услышать ответные выстрелы. Но «Павел» упорно молчал.

Беринг крейсировал большими зигзагами, пытаясь оглядеть возможно большее пространство моря, но и это ни к чему не привело.

— Чириков, верно, ушел вперед, — сказал Беринг. — Не беда, мы его нагоним.

И «Петр» быстро поплыл дальше на восток.

Прошло еще три недели, а ни «Павла», ни берега не было видно. Их окружал океан, которому, казалось, никогда не будет конца. Пресной воды становилось все меньше, и капитан начал тревожиться. Только 16 июля, после полуторамесячного плавания, увидели вдали очертания высокой горы. Матрос, заметивший ее с мачты, мигом скатился на палубу, крича во все горло:

— Земля!

Все кинулись наверх. Офицеры вырывали подзорные трубы друг у друга из рук. Гора была ясно видна вдали. Ее вершина, покрытая снегом, сверкала на солнце, как драгоценный камень.

Это было в Ильин день и поэтому решено было назвать гору «горой Ильи».

17-го увидели ровный берег, заросший густым лесом.

— Америка! — шептал Штеллер, и сердце его замирало от волнения. — Америка!

Какие чудеса ждут его в этих дебрях! Сколько никому неведомых растений откроет он здесь! Глаза его с жадностью пожирали синюю полосу берега. Решительно все — от лейтенанта Хитрова до последнего юнги — чувствовали, что совершили большой подвиг, и с гордостью жали друг другу руки. Все на перебой поздравляли капитана с успехом его предприятия.

Но Беринг оставался совершенно равнодушным к своему открытию. Он, казалось, радовался ему только потому, что теперь можно будет вернуться домой. Это раздражало Штеллера. Штеллер любил, чтобы, когда он восторгается, кругом восторгались все.

«Петр» медленно плыл вдоль берега. Утром 20 июля заметили бухту, вошли в нее и бросили якорь.

Штеллер тотчас же оделся, чтобы ехать на берег. Но на палубе его встретил Ваксель и сказал:

— Капитан запретил кому бы то ни было съезжать с корабля. Один только Хитров поедет после обеда поискать пресной воды.

— Этого не может быть! — закричал Штеллер. — Это чужь! Ведь должен же я побывать в Америке!

— Поговорите с ним сами, — ответил Ваксель.

Беринг находился тут же на палубе. Штеллер подскочил к нему уже заранее разъяренный.

— Я запрещаю вам ехать на берег, — сказал Беринг. — Я отвечаю за жизнь вверенных мне людей и не хочу, чтобы вас убили дикари. Мы добрались до Америки и отметили ее на карте. Это все, что мне было поручено. Теперь нам остается только вернуться назад.

— Вы подлый трус! — заорал Штеллер. — Нет, вы не трус, а изменник. Вам поручено дело государственной важности! Вы стоите на пороге величайших открытий и хотите вернуться назад! Это измена! Вы изменник! Я найду на вас управу! Сенат узнает всю правду! Я... я... я...

За такое оскорбление Беринг мог повесить Штеллера на любой рее. Но он даже не повел бровью. Лицо его выражало усталость, брезгливость и равнодушие.

— Я поеду один, — продолжал Штеллер. — Мне не надо никакой охраны! Я ничего не боюсь! Я не подлец и не изменник!

И, отвязав канат, он стал спускаться на воду маленькую легкую шляпку.

— Савва, едем со мной, — предложил он своему денщику.

Беринг пожал плечами и спустился по трапу вниз. Его уже больше ничто не интересовало. Но, встретив внизу Овцына, он сказал:

— Возьмите в оркестре две трубы и положите им в шляпку. Пусть, сойдя на берег, они трубят. Тогда я по крайней мере буду знать, где они находятся.

ДВОЕ В НЕВЕДОМОЙ СТРАНЕ

Штеллер спустился в лодку и сел к рулю. Савва Стародубцев взялся за весла. Шляпка запрыгала на волнах. Усыпанный белым мелким песком берег все приближался. Холодное, хмурое небо низко повисло над лесом. Кедры и сосны стояли неподвижно и неприступно.

Штеллер был вне себя от злости. Он клокотал и пыхтел, как паровой котел. Можно было подумать, что вот-вот он сейчас взорвется. Неистовые немецкие ругательства со свистом и пеной вылетали у него

изо рта. Даже сжимая руль, он продолжал буйно жестикуллировать, и лодка то и дело круто поворачивала, выписывая по воде вензеля и зигзаги. Это еще больше раздражало пылкого немца.

— Я буду жаловаться, — кричал он, грозя кулаками кораблю. — Я донесу в Сенат! Изменник! Изменник!

Тут взгляд его упал на ни в чем неповинную медную трубу, которую Беринг приказал положить в шлюпку. Он вскочил, схватил трубу обеими руками и со всей силы разбил ее о борт. Потом победоносно и облегченно оглянувшись вокруг, снова сел на скамью.

Савва удивленно поднял на него глаза.

— Зачем добро портишь? — спокойно спросил он.

— Как зачем? Разве я не знаю, чего он хочет? Он хочет сделать вид, будто я поехал на берег под хорошей защитой. Труба! Разве труба — защита? Я донесу в Сенат. Изменник, изменник, изменник!

Речь Штеллера снова полилась бурным потоком. Но Савва не слушал. Под килем закрипел песок, и широкая волна выплеснула шлюпку на берег.

Вошли в лес. Валежник, никогда не убираемый, на два аршина покрывал землю. Ноги проваливались по колено в хрустящие сухие ветви и не достигали земли. Штеллер зорко оглядывался по сторонам. Он выискивал места, не засыпанные прутьями. Увидев какой-нибудь лысый пригорок, он со всех ног кидался к нему. Его большие руки шарили по

густому седому мху и срывали какие-то листочки, какие-то стебелечки, цветочки. Предавшись своему любимому занятию — сборианию неизвестных растений — он успокоился и совершенно забыл о недавней ссоре с капитаном. Пучок травы, самой обыкновенной на вид, способен был привести его в восторг. Савва лениво шагал за ним, опираясь на длинное ружье, как на дубину, довольный, что он снова на земле, в лесу, а не среди надоевшего однообразного моря. Так они прошли около версты. Савва остановился, вздохнул, снял шапку, вытер рукавом вспотевший лоб и вдруг закричал:

— Дым! дым!

Штеллер поднял голову и над кудрявыми вершинами лиственниц увидел синий дымок, спокойно взлетавший к небу.

— Это, верно, Хитров высадился, — сказал он, — его послали за водой.

— Нет, — возразил казак, — Хитров поехал вдоль берега направо, а дым от нас по левую руку. Это...

Но Штеллер и сам уже понял, что это за дым. Здесь есть дикари. Кто они? Людоеды? Что они сделают с двумя беззащитными одинокими чужеземцами?

— Пойдем! — прошептал Штеллер и ринулся вперед, туда, где над лесом вился дымок.

— Вернемся, барин, — сказал Савва. — Убьют.

— Ни за что! — закричал немец, снова приходя в бешенство. — Беринг предал нас, предал! Я так

и донесу Сенату. Но я не пропаду и без него. Идем!

И раздраженный немец, забыв о всякой осторожности, с грохотом и треском побежал по лесу. Сумка с только-что собранными растениями хлопала его по боку. Савва неохотно последовал за ним, боясь потерять его из виду. Штеллер поминутно спотыкался, падал, но тотчас же вставал и с еще большим ожесточением неся дальше. Лесное эхо гулло повторяло топот его тяжелых сапог.

Внезапно они оба выбежали на узкую лесную тропинку.

— Ага! — закричал Штеллер. — Здесь ходят! Здесь много людей! Нас могут убить!

Это радовало его, потому что еще раз доказывало, что Беринг — преступник и изменник, обрекающий своих спутников на гибель.

Штеллер побежал по тропинке. Еще поворот — и перед ним предстанет полчище дикарей.

Но столб дыма вдруг отделился от леса, взлетел в небо и растаял. Штеллер на мгновение остановился, потом снова кинулся вперед. Под закоптелой сосной лежала груда угольев, только-что залитых водой.

— Удрали! — облегченно вздохнул Савва. — Мы их вспугнули. Нас за версту было слышно.

Дикари бежали в такой суматохе, что оставили все свои вещи у погашенного костра. Штеллер с любопытством стал разглядывать странную дикарскую утварь. Раньше всего он обратил внимание на два больших деревянных корыта. В эти корыта была на-

лита еще горячая вода, в которой плавали куски оленьего мяса.

— Это кастрюли, — сказал Штеллер.

— Где же это видано, чтоб кастрюли делали из дерева, — усмехнулся Савва. — Если деревянную кастрюлю поставить на огонь, она сгорит.

Но немец с презрением поглядел на него. Он засучил рукав, засунул руку в корыто и вытащил из воды несколько черных от сажи мокрых камней.

— Они сперва накаляют эти камни на костре, — объяснил он Савве, — а потом кладут их в корыто с водой. Вода закипает. Тогда они бросают в корыто мясо. Такой способ варки существует у всех диких народов, не умеющих делать глиняной посуды. Вот почему эти кастрюли не горят.

Тут же Штеллер нашел и огниво, которым дикари разжигали костер. В те времена европейцы тоже не знали спичек и для зажигания огня пользовались огнивом. Но европейское огниво было гораздо более удобным и совершенным, чем то огниво, которое Штеллер нашел в американском лесу.

Огниво дикарей состояло из дощечки с дырочкой и деревянной палочки. Дикарь вставлял конец палочки в дырочку, зажимал палочку между ладонями и вертел ее до тех пор, пока дерево от трения не нагревалось. Тогда он прикладывал к нагретому месту клочок сухого мха, и мох вспыхивал. Для того, чтобы добыть огонь таким способом, европейцу пришлось бы затратить несколько часов, но дикари

так наловчились, что через пятнадцать-двадцать минут работы у них вспыхивал костер.

Штеллер усердно занялся разглядыванием огнива и забыл обо всем. И вдруг Савва снова увидел дым, на этот раз гораздо дальше.

— Идем, — сказал Штеллер, засунув огниво подмышку и устремляясь вперед.

— Куда итти? — хмуро возразил Савва. — Надо возвращаться. Мыслимо ли вдвоем итти на дикарей!

— Ну и возвращайся, если ты такой трус, — разозлился Штеллер. — Ступай к своему капитану. Он тоже трус и любит только трусов. А я пойду один.

Но Савве было страшно возвращаться одному по дикому лесу. Да и совестно было оставлять Штеллера в опасности. И он ворча побрел за неистовым немцем.

Они снова зашагали по тропинке. Теперь они старались не шуметь, поминутно останавливались и прислушивались. Дым то исчезал, то снова вырывался из-за вершин деревьев. Узкая тропинка извивалась, и они уже двадцать раз переменили направление. Но дым, казалось, все оставался на том же расстоянии от них. Штеллер нервничал, торопил Савву. Они уже снова почти бежали. Прошло полтора часа. Дым вырвался из-за леса в последний раз, исчез и уже больше не появлялся.

— Вернемся, сударь, — сказал Савва. — Все равно никого не увидим. Дикари прячутся от нас. Здесь до берега верст пять, не меньше. Неровен час, попадем в какую-нибудь ловушку.

— Ни за что! Я найду дикарей во, что бы то ни стало! — закричал немец. — Бежим!

Он сделал еще один шаг, покачнулся, взмахнул руками и провалился сквозь землю.

У ног Саввы чернела глубокая яма.

— Да тут целый клад! — услышал он снизу голос Штеллера. — Это дикарский погреб. Принимай!

Из ямы высунулись узловатые, жилистые руки Штеллера и стали подавать Савве одну за другой плетеные корзинки, наполненные копченой лососиной. После корзин на свет стали появляться связки крепких веревок, свитых из водорослей. За ними последовали охапки длинных, превосходно выструганных стрел, выкрашенных черной краской, с острыми медными наконечниками.

— Ну и стрела! — с опаской сказал Савва, разглядывая одну из них. — Вдвое длиннее камчадальской. С такой стрелой и на медведя ходить можно.

Наконец, из погреба показалась голова Штеллера в съехавшем на бок парике. Он внимательно осмотрел края ямы и сказал:

— Теперь я понял. Погреб этот был закрыт сосновой корой и сверху засыпан землей. Кора не выдержала моей тяжести и провалилась.

Тут они снова увидели впереди столб дыма. Захватив с собой для образца дикарскую корзинку, связку веревок и несколько стрел, они побежали вперед. Но тропинка исчезла. Дальше начиналась непролазная чаща. Итти было невыносимо трудно. На-

конец, они чуть было не скатились в овраг, на дне которого протекал быстрый ручей. Теперь они видели целых два столба дыма, и оба совсем близко — один направо, вверх по ручью, другой налево, вниз по ручью. Неукротимый Штеллер ни за что не хотел возвращаться, не повидав дикарей. Но, вняв совету благоразумного Саввы, он пошел вниз по ручью, к костру, который был поближе к морю. Оврагом оказалось идти легче, чем лесом, и они скоро пришли к открытому месту, посреди которого возвышался безлесый холм. Ручей круто заворачивал и огибал холм справа. Столб дыма теперь поднимался из-за холма.

— Наверх! — скомандовал Штеллер и с такой стремительностью стал карабкаться по склону, что Савва едва поспевал за ним.

Через минуту они были уже на вершине. В версте от них простиралось море. У устья ручья был причален бот с «Петра». Моряки наполняли бочки водой. Рядом с ними горел большой костер, над которым клубился черный, смолистый дым.

— Тьфу! — сказал Штеллер и плюнул. — Это Хитров наливается водой. Нам нужно было идти вверх по ручью. Дикари там. Изменники! — прибавил он свое любимое ругательство, хотя трудно было предположить, что Хитров развел костер как раз для того, чтобы сбить Штеллера с толку.

Немец торопливо передал Савве корзину, огниво, веревки и стрелы, и сказал:

— Ступай, братец, на корабль и отдай это от меня капитану.

— А ты, сударь, куда же? — спросил удивленный казак, но Штеллер уже бежал вниз, назад, к лесу.

Через минуту он скрылся в чаще.

Савва постоял, покликнул его немного и побрел к Хитрову, опираясь на длинное ружье.

Штеллер один пошел к дикарям.

ВНЕЗАПНОЕ ОТПЛЫТИЕ

Но дымки продолжали обманывать Штеллера и дальше. Он без устали проходил версту за верстой, бросался то влево, то вправо, взбирался на холмы, спускался в овраги, а предательские столбы дыма попрежнему прятались за лесной чащей.

Вечером в сумерках Беринг, взойдя на мостик, заметил на берегу одинокую фигуру. Он поймал ее в круглое стеклышко подзорной трубы и облегченно вздохнул.

— Послать за ним шлюпку! — крикнул он Хитрову.

Штеллер вернулся на корабль утомленный, изорванный, расцарапанный, злой. В сапогах его хлюпала вода, пудренный парик стал серым от грязи и съехал на левое ухо, открыв рыжую косматую голову, в волосах которой запутались сосновые колючки.

— Никого не нашел, — сказал он. — Чорт!..

— Сварите ему чашку шоколаду, — слабым голо-

сом распорядился капитан, устало спустился к себе в каюту и закрыл за собой дверь.

Шоколаду было на «Петре» очень мало. Его выдавали только отличившимся. Это была высокая честь.

На другой день, на рассвете, команда была удивлена приказом капитана:

— Поднимать паруса!

Все принялись за работу.

Штеллер, утомленный вчерашним шатанием по лесу, проснулся поздно. Взглянув в окошко, он увидел, что корабль снова вышел в море, и в бешенстве выбежал на палубу.

Через минуту он уже стучал кулаками в дверь капитана. Беринг открыл дверь и нахмурился. Ему было тяжело разговаривать с этим требовательным и надоедливым человеком.

— Куда мы идем? — закричал Штеллер.

— Домой! — спокойно ответил Беринг.

— Уже домой? Но ведь мы провели в Америке всего один день! Десять лет готовиться к путешествию в Америку и провести там один день! Это неслыханно!

— Мы выполнили возложенное на нас поручение — побывали в Америке — и теперь можем вернуться. Я не желаю подвергать экипаж бесцельной опасности быть съеденными дикарями в этих диких и неведомых местах. Кроме того, у нас началась цынга...

Беринг был прав. Эта страшная болезнь, происходящая от соленой и несвежей пищи, которую едят путешественники, уже свалила с ног нескольких моряков. Но Штеллер видел, что настоящая причина такого скорого и внезапного отъезда совсем не в этом. Просто Беринг безумно устал от десятилетней жизни в диком захолустье, на краю света, от безлюдных лесов, вод и гор, просто он истосковался по семье, по уюту, по отдыху. Честный датчанин, исполнив возложенное на него поручение, стремился поскорее избавиться от этого надоевшего дела. Ему велели из Камчатки проехать в Америку. Он побывал в Америке. Чего же еще от него хотят?

Штеллер понял, что ничего не поделаешь с этим человеком, махнул рукой и вышел.

Шли то на юго-запад, то на северо-запад, вышли в открытое море, берега скрылись из виду, и одна только снежная вершина горы Ильи долго виднелась на горизонте. Потянулись однообразные дни. С севера уже дуло холодом — приближалась осень. Штеллер занялся разборкой богатой коллекции растений, собранных им на американском берегу, но от этой работы его начало отвлекать более печальное занятие.

Ему теперь приходилось отдавать много времени заботам о больных. Цынга становилась все свирепее. Каждый день объявлялся новый больной. Болезнь начиналась вялостью, слабостью, потом пухли десны и вываливались зубы. На руках и на ногах появля-

лись гнойные язвы. Больной терял всякий интерес к жизни, переставал есть и медленно чах. Чтобы не заразить здоровых (в те времена думали, что цынга заразительна), Беринг приказал отправлять всех больных в одно из пустующих помещений трюма. Там им приготовили койки, где они могли спокойно умирать.

Первым умер матрос Шумагин. В ту самую минуту, когда тело его, завернутое в простыню, бросали с палубы в воду, один из моряков закричал:

— Земля! земля!

«Петр» подошел к большим каменистым безлесным островам. Вдали подымались дымки, — значит, здесь тоже есть люди! Остановка была очень кстати. Пресная вода в бочках стала иссякать, а Штеллер уверял, что без свежей воды бороться с цынгой невозможно.

Беринг высмотрел хорошую гавань, и через два часа «Петр» уже стоял на якоре. Тотчас же спустили шлюпку, и Хитров отправился за водой. Он нашел хороший ручей, но когда вернулся, было уже совсем темно. Ночью сниматься с якоря в незнакомом месте слишком опасно. Решено было ждать следующего дня.

— Назовем эти острова Шумагинскими, — предложил Овцын.

Беринг согласился.

ДИКАРИ

На другой день в каюту Штеллера вбежал Ваксель и взволнованно закричал:

— К нам едут дикари!

Штеллер одним махом взлетел на палубу.

Весь экипаж «Петра» уже толпился у перил и во все глаза глядел туда, где вдали возвышались беслесные береговые холмы.

Сначала Штеллер ничего не заметил. Потом услышал пронзительный неприятный звук, который принял было за рев тюленей. И только тогда увидел две маленькие, юркие байдарки, прыгавшие на волнах между кораблем и берегом. В каждой байдарке сидело по закутанному в меха человечку, и эти человечки орали что-то во все горло.

Штеллер был огорчен. Он ожидал, что увидит целые полчища дикарей, разукрашенных перьями, клыкастых, кровожадных, готовых сожрать кого угодно. И вдруг две крохотные лодочки, два смешных человечка, похожих на мирных рыбаков! Фу, какое разочарование!

Но когда лодочки подошли поближе, любопытство Штеллера снова разгорелось. Лицо одного дикаря было вымазано красной краской, лицо другого — синей. Это придавало им нелепый и странный вид. Перегородка между ноздрями была продырявлена и в дырку вставлено по большому моржовому клыку, так что издали казалось, будто у них огромные белые усищи. В руках каждый держал по длинному шесту, к концу которого было прикреплено чучело какой-то птицы. Дикари с удивительным проворством вертели эти шесты в руках, выделявая в воздухе какие-то странные зигзаги, похожие на заклинания.

Лодки у них были тоже особенные. Они были сделаны из звериных костей, обтянутых тюленьей кожей. Кожа покрывала лодку и сверху. Только в середине оставлялось круглое отверстие, как раз такой ширины, что в него мог влезть один человек. В такую лодку ни как не могла попасть вода. Волны в три человеческих роста перекатывались через головы дикарей. Кажется, никогда уже этому смелому мореходу не вынырнуть на поверхность, а, глядь, он уже снова плывет в своем утлом кожаном челноке как ни в чем не бывало.

Продолжая кричать, оба дикаря подплыли к кораблю. Крик их был похож скорее на молитву или заклинание, чем на простой разговор. Моряки замахали им руками, знаками приглашая взойти на судно. Но дикари стали звать чужеземцев на берег, и, засовывая пальцы в рот, дали им понять, что там их хорошо угостят.

Подъехав еще ближе, они хохоча во все горло, бросили свои шесты с птицами перед самым кораблем. Штеллер принял это за жертвоприношение. Он привязал к веревке две китайских табачных трубки, несколько связок стеклянных бус да зеркальце и спустил это все дикарям. Те очень обрадовались подарку. Один из них прицепил к веслу шкурку сокола и подал ее коряку Пячке. Потом оба стали быстро грести к берегу, знаками приглашая белых последовать за ними.

Сейчас же спустили большую шлюпку. В нее сели

Штеллер, Ваксель, Пячка, да девять человек матросов и казаков. Взяли с собой ружья, но из предосторожности положили их на дно шлюпки и закрыли брезентом.

Чем ближе к берегу, тем выше волны. Возле берега в море лежали каменные глыбы, вокруг которых пенились водовороты. Пристать не рискуя разбить шлюпку было невозможно.

У воды толпилось человек двадцать туземцев, которые криками и знаками приглашали моряков выйти на берег. Но подводные камни казались слишком опасными.

— Вернемся назад, — сказал Ваксель. — Тут мы только шлюпку погубим.

— Вот вы всегда так! — заворчал Штеллер, начиная горячиться. — Из-за вашей подлой трусости мы ровно ничего не откроем. Оставайтесь здесь, я и один поплыву к ним. Кто со мной?

И он начал стаскивать с себя свой камзол.

Один только Савва Стародубцев вызвался отправиться на берег вместе с Штеллером и стал снимать рубаху.

— Плыви и ты с нами, Пячка, — продолжал Штеллер. — Может быть, дикари понимают по-коряцки.

Ваксель угрюмо молчал. Он знал, что спорить со Штеллером бесполезно.

Штеллер, Савва и Пячка прыгнули в воду и поплыли к берегу. Ваксель остался ждать их в шлюпке.

Едва три смельчака вылезли на берег, как туземцы

подхватили их под руки и повели на ближайший холм. Штеллер сначала принял их всех за мужчин, но потом увидел, что ошибся. В толпе было много женщин, но они носили такие же длинные балахоны из тюленьей кожи и такие же меховые шапки, как и мужчины, и поэтому их было трудно отличить. Лица у всех были вымазаны краской — у кого синей, у кого красной, у кого желтой или зеленой. Носы были прорезаны в самых разных местах, и в дырки вставлены кости, клыки и зубы разных животных. Иногда они вынимали эти украшения, и тогда из ран сочилась какая-то слизь, которую простодушные франты бесцеремонно слизывали языком.

Штеллер нашел, что жители этого острова очень похожи на эскимосов, которые живут в Гренландии, на берегу Атлантического океана. Он не ошибся. Народ, к которому попали русские, были алеуты, находящиеся в близком родстве с эскимосами.

На вершине холма горел костер. Две старые женщины жарили китовое мясо, положив его на горячие уголья. Тотчас же начался пир. Дикари усердно потчевали своих гостей. Штеллер отведал мяса и нашел, что оно вовсе не плохо на вкус. Только немного твердовато и жестко и пахнет ворванью. Впоследствии ему пришлось познакомиться с китовым мясом поближе.

Алеуты, конечно, ни слова не понимали по-коряцки, и Пячка был совершенно бесполезен. Штеллер подарил им несколько связок бус и несколько

маленьких зеркалец, которые были приняты с восторгом. Все, казалось, шло как нельзя лучше.

Но тут случилось событие, расстроившее только что наладившуюся дружбу русских с островитянами.

Один из дикарей сел в свой легкий челнок и подплыл к шлюпке, в которой сидел Ваксель. Он весело улыбался русским. Намерения, очевидно, у него были самые дружественные. Ваксель встретил его ласково, и дикарь доверчиво пересел из челнока в шлюпку.

Русским пришло в голову угостить его.

— А ну, дайте-ка ему водки, — сказал смеясь кто-то.

Сейчас же появилась бутылка. Водку налили в стакан и поднесли дикарю. Тот улыбнулся во весь рот, взял стакан, отхлебнул и вдруг заорал. Это был пронзительный оглушительный, нечеловеческий крик, от которого звенело в ушах. Можно было подумать, что ему прижигают пятки каленым железом.

— Тише! тише! — замахал на него руками Ваксель, не слыша своего собственного голоса.

Но дикарь продолжал орать как будильник, который завели и теперь не остановишь никакими силами. Он, очевидно, сильно обжогся.

Ваксель перепугался не на шутку. Ведь там, на берегу, среди толпы дикарей, остались три их товарища, безоружные и беспомощные. Если дикари подумают, что белые обошлись с одним из них дурно, они могут убить Штеллера, Пячку и Савву.

Ваксель торопливо совал в руки островитянина зеркала, ножи, бусы, табачные трубки, но тот орал попрежнему. Тогда Ваксель схватил его за шиворот, посадил в челнок и оттолкнул от шлюпки. А к берегу уже бежали дикари, возбужденно махая руками. На этот раз тут были только мужчины. За ними со всех ног поспевали Штеллер, Савва и Пячка. Ваксель заметил, что у дикарей нет ни луков, ни копий, и облегченно вздохнул.

Добежав до берега, Штеллер прыгнул в воду, но дикари сразу же окружили его, подхватили со всех сторон и потащили назад. Савву и Пячку тоже крепко держали за руки. Впрочем, никто их не толкнул, не ударил — дикари вели себя довольно благодушно. Даже совали в руки Штеллера какие-то шкурки, как бы задабривая его.

Но тут к берегу подплыл тот дикарь, которого Ваксель так неосторожно угостил водкой. Он уже успокоился, перестал орать и только от времени до времени повизгивал. Дикари кинулись к нему с расспросами и на минуту забыли о своих пленниках. Штеллер подмигнул Савве, они оба рванулись вперед, прыгнули в воду и через минуту уже подплывали к шлюпке. Один недогадливый Пячка остался на берегу.

Дикари опомнились и кинулись к нему.

— Спасите! спасите! — закричал бедный коряк, плача от страха.

Он был уверен, что шлюпка уедет и оставит его

навсегда одного у дикарей. Его объял такой ужас, что он упал на колени, простер руки к морю и стал умолять о помощи.

— Стреляйте! — закричал Штеллер, влезая в шлюпку.

Дали залп в воздух.

Треск ружей так поразил дикарей, что они все до единого попадали ничком на землю. Потом пустились наутек и скрылись за холмами.

Освобожденный Пячка вплавь добрался до шлюпки. Он был так перепуган, что даже час спустя, поедая в кубрике горячую похлебку, вздрагивал и оглядывался по сторонам.

ВСТРЕЧНЫЙ ВЕТЕР

Когда Шумагинские острова скрылись из виду, Беринг стал замечать, что погода быстро меняется. Небо потемнело, ветер стал порывистым и внезапным — то вдруг замрет, так что повиснут паруса, то налетит с неистовой яростью, потряхнет корабль, повалит всех с ног и обрушит на палубу исполинскую волну.

Направление ветра тоже переменилось. Из попутного восточного он стал западным, встречным, и дул прямо в нос кораблю. Сила его возрастала с каждым часом, волнение увеличивалось. «Петр» мужественно резал воду своей крутой деревянной грудью, но добрый корабль был уже совсем не в таком хорошем состоянии, как тогда, когда он вы-

шел из Петропавловска. Снасти обносились за путешествие — канаты поминутно рвались, полотнища парусов лопались. Обшивка тоже истребалась, и по ночам моряки со страхом прислушивались к странным подозрительным скрипам, раздававшимся внутри корабля.

Через несколько дней ветер настолько усилился, что идти ему навстречу стало невозможно. Команда работала сутки напролет. Беринг каждый час приказывал передвигать паруса, и «Петр» переходил с гальсы на гальс. Но путем всех этих усилий они достигали только того, что их не относило назад, к Америке. Вперед они не продвинулись ни на милю.

А между тем цынга овладевала все новыми жертвами. Каждый день несколько человек относили в трюм и почти каждый день кого-нибудь швыряли в море, завернув в простыню. В числе умерших был и семидесятилетний штурман Эзельберг, в молодости служивший на голландских торговых судах и ходивший в кругосветное плавание. Он был на редкость опытный моряк и много помогал капитану в управлении кораблем.

Однажды за обедом Ваксель, взглянув в лицо Берингу, воскликнул:

— Капитан, у вас совсем черные губы!

— Я знаю, — ответил Беринг.

— Это цынга, вы должны немедленно лечь!

— Нет, — твердо сказал Беринг, — я лягу, только когда приведу вас в Петропавловск.

Но через несколько часов он упал посреди палубы и не мог встать. Его осторожно подняли, отнесли в капитанскую каюту и положили на койку.

Приближалась осень, становилось холодно. Моряки мерзли, надевали тулупы и ждали, когда проклятый ветер переменит направление и даст им возможность продолжать свой путь. Но ждать им пришлось очень долго — целых три недели «Петр» проточал на одном месте посреди моря.

И когда, наконец, ветер изменил направление, это был уже не ветер, а ураган. Он как щепку переломил одну из мачт, спутал снасти и закружил корабль в диком хаосе вихрей и волн. «Петр» казался дощечкой, брошенной в водопад.

Что будет с людьми, находящимися на этой дощечке?

ВО ВЛАСТИ УРАГАНА

В трюм невозможно было войти. Едкая удушливая вонь сбивала с ног, вызывала рвоту. Даже свечи здесь тухли, от недостатка свежего воздуха. Больные лежали на полу в повалку, среди блевотины и грязи. Нары были пусты, потому что качка скидывала на пол всякого, кто решался лечь на них. Измученные, уже равнодушные ко всему тела при каждом движении судна перекатывались по мокрой соломе, устилавшей пол. В этой тьме, в этом смраде невозможно было определить, кто жив, кто мертв. Мертвые переваливались через живых, живые через

мертвых, повинуюсь неожиданным порывистым толчкам бури. Трупы не убирались по нескольку суток—некому было.

Ветер сбивал низкие черные облака в курчавые нити, в стрелы, и с неистовой быстротой проносил их над мачтами «Петра». Одна мутная, кудлатая завеса туч громоздилась над другой — небо казалось многоэтажным. И каждая туча мчалась в другом направлении. Глаз отказывался уловить в этом кружении хоть какой-нибудь порядок. Наверху была та же бушующая пучина, что и внизу. Корабль был замкнут в безвыходный круг бури.

Ночи почти не отличались от дней. Перед рассветом на концах изломанных искалеченных рей вспыхивали зыбкие, тусклые огоньки святого Эльма. Потом на несколько часов море озарялось серым дневным светом, еще более мучительным, чем ночная тьма. Затем снова наступала непроглядная ночь, не приносящая ни отдыха, ни надежды.

Беринг лежал в своей каюте, привязанный к койке ремнями. Уже много дней он ничего не ел, не пил, не говорил. Он был равнодушен ко всему, даже к качке, подымавшей к потолку то его ноги в широких ботфортах, то высокий, бледный, синеватый лоб. Судном управляли Ваксель и Хитров. Впрочем, все управление сводилось к тому, чтобы плыть по ветру. Больше половины команды лежало в трюме. Здоровые едва двигались от утомления. Ваксель тоже заболел и с трудом бродил по палубе,

рискуя каждую минуту быть смытым за борт. Четверо суток дул южный ветер, неся «Петра» на север. Это лишало их последней надежды добраться до Камчатки. В довершение всего, кончилась пресная вода. Командой овладела апатия. Все молча покорились своей участи.

Один Штеллер не унимался. Никакая буря не могла сломить его неукротимый характер. Его медвежье здоровье не поддавалось никаким невзгодам. Он продолжал буйствовать, метаться, строить планы, кричать, приказывать, спорить. Ежеминутно в его неугомонной голове зарождались новые необычайные проекты. Каждый из этих проектов вел, по его мнению, к немедленному спасению всего экипажа. Но бедного Штеллера никто не слушал. Все отмахивались от него, как от назойливой мухи. Он шел к капитану жаловаться на Хитрова и Вакселя. Беринг смотрел на него голубыми, невидящими глазами, полными боли и усталости, и отворачивался. Тогда он шел к Вакселю на палубу, в ветер, и мечась, беснуясь, излагал ему свои планы до тех пор, пока Ваксель не уходил, махнув рукой, или пока их не обливала волна. Тогда Штеллер в полном бешенстве бежал к себе в каюту, раздвигал банки с заспиртованными рыбами, садился за стол и строчил яростные доносы и рапорты в Сенат. Свеча поминутно тухла, чернила разливались, но это только еще больше озлобляло его. Он писал о том, что воля Правительствующего Сената нарушена, что его,

Штеллера, не послушали, когда он советовал остаться на зиму в Америке, что капитан преступно бездействует, что Ваксель изменнически гонит корабль на север, что Софрон Хитров всю воду выпил, потому что сам пьет вволю, а другим не дает.

Но однажды — единственный раз за все путешествие, — мнения Штеллера и Вакселя сошлись. Они оба пошли убеждать Беринга вернуться в Америку.

— Если даже нас не потопит буря, — говорил капитану Ваксель, — мы умрем от цынги. Я сегодня опять выбросил за борт три трупа. Бороться с противным ветром больше невыносимо. А в Америке есть, по крайней мере, пресная вода. Мы кое-как прозимуем там, поправим снасти, а весной вернемся на Камчатку.

— Конечно, — прибавил Штеллер. — В Америке мы сделаем множество открытий. Ведь мы провели там всего один день. Мы познакомимся с народами, населяющими ее...

— Нет, — сказал капитан.

Берингу хотелось домой, домой, домой. Все остальное больше не интересовало его. Лишь бы быть поближе к дому.

Он закрыл измученные глаза.

Ваксель махнул рукой, Штеллер выругался.

Четвертого ноября, в десять часов утра, вахтенный увидел землю. Эта весть мигом облетела весь корабль. Даже из трюма вылезло несколько человек, чтобы поглядеть на сушу. Земля была верстах в двадцати.

Вдали поднимались высокие горы, у берегов чернели скалы. День стоял тусклый, дождливый, и ничего больше рассмотреть было нельзя. Но все сразу решило, что это Камчатка. Слишком уж им хотелось, чтобы это была Камчатка. Многие клялись, что перед ними окрестности Авачинской губы. Даже Беринг поднялся и вышел на палубу. Но от свежего воздуха ему сделалось дурно и его тотчас же отнесли в каюту.

У постели больного капитана собрался совет. На совет пришли не только офицеры, но и матросы. Это противоречило уставу, но все чувствовали, что спорить о чинах не время. Было решено идти прямо к берегу. Один только Овцын предлагал поискать сначала удобной гавани. Он опасался береговых утесов. Но команда об этом и слушать не хотела.

— Приставать! приставать! — орали измученные моряки.

«Петр» медленно повернул к берегу. Ветер дул с борта, качка стала невыносимой. Волны перекатывались через палубу. Парусов почти не оставалось, корабль едва двигался, но все же береговые утесы мало-помалу росли и приближались.

В пять часов дня Штеллер, измученный бессонными ночами, спустился к себе в каюту, чтобы съесть сахар. Внезапный толчок опрокинул его на пол. Он ударился затылком об угол шкапа и потерял сознание.

Но через минуту очнулся, вскочил и кинулся вверх по трапу. Выбежав на палубу, в свист и вой бури, он почувствовал новый подводный толчок, опять упал

и покати́лся к перилам. Лицо его уткнулось во что-то мягкое. Ледяная волна перекатилась через него. Под ним лежал Ваксель. Корабль как-то боком, неуклюже, но чрезвычайно быстро несся к огромному черному утесу.

— Чорт! — вскричал Штеллер, вставая. — Что случилось? Мы летим на скалу!

Ваксель тоже поднялся.

— У нас сорван руль, — прохрипел он.

— Якорь! Давай якорь! — завопил Штеллер. — Если мы не удержимся, нас через минуту разнесет в куски.

Бросили якорь, он зацепился за дно, но канат тотчас же лопнул, как паутина. Бросили второй якорь, но с ним случилось то же самое. Надежды больше не оставалось. Громадный утес возвышался черной стеной совсем рядом.

Но тут случилось чудо. Огромная волна мягко подняла «Петра» на свой гребень, осторожно перенесла через утес и опустила в тихую лагуну, защищенную со всех сторон скалами.

ТАИНСТВЕННЫЙ БЕРЕГ

Было уже совсем темно, и никто не решался покинуть корабль. На утро заболел Ваксель и слег. Софрон Хитров тоже едва держался на ногах. Штеллер вышел на палубу, и море поразило его. Совершенно спокойное, молочно-бледное, подернутое холодным туманом, оно испугало его своей мертвенной молчали-

востью и белизной. Буря была сродни Штеллеру. Он понимал всякое движение, кипение, неистовство. Молчание беспокоило его. В неподвижности ему чудилось что-то злое.

Он с трудом зашагал по палубе. «Петр» лежал почти боком на песчаной отмели, и Штеллер рисковал ежеминутно соскользнуть вниз в холодную воду. Навстречу ему вышел Плениснер, с таким же трудом шагая по покатым доскам палубы.

— Это не Камчатка, — сказал он Штеллеру, угрюмо глядя на берег.

Берег был каменистый и безлесый. Местами то там, то здесь лежал снег, как белые пятна на бурой корове. От этого земля казалась рябой.

— Позовите Овцына и поедем за водой, — сказал Штеллер.

— Если Овцын поедет с нами, на корабле не останется ни одного здорового офицера. А мало ли что здесь может случиться...

— Трусы и изменники! — проворчал Штеллер, обращаясь ко всему кораблю, переполненному больными.

Он сам почти никогда не болел и считал всех больных притворщиками и лентяями. Это качество очень помогало ему в его медицинской практике. Он с такой яростью убеждал больного в том, что он совершенно здоров, что больной сам заразился этим убеждением и начинал вести себя как здоровый. А тех больных, которые продолжали болеть, несмотря на все убеждения, Штеллер презирал и ненавидел.

Позвали Савву Стародубцева и спустили на воду единственную уцелевшую после бури шлюпку — самую маленькую. В шлюпку поставили три пустых бочки для пресной воды. Плениснер сел за руль, Савва Штеллер — за весла.

На берегу сразу же нашли ручей с прозрачной вкусной водой. Корабль с берега казался гробом. Ни дымка, ни одного человека на палубе, — ничто не выдавало, что там были живые люди.

Налили бочки водой и приказали Савве отвезти их на судно. Плениснер пошел на охоту, а Штеллер стал собирать противоцинготные растения.

Местность была совершенно безлесая, и только возле ручья рос низкий кустарник. Но на берегу валялись стволы сосен и кедров, выброшенные морем. Наносного леса много на всех берегах Ледовитого океана и Берингова моря. Его приносят с собой могучие сибирские реки. Это очень обрадовало Штеллера, потому что, по крайней мере, можно будет жечь костры.

Штеллер шел между кустов, разгребал снег и вытаскивал из-под него листики заячьей капусты — лучшего противоцинготного средства. Вдруг он услышал какой-то шорох. Он обернулся. Рядом с ним стоял маленький зверек в голубой пушистой шкурке, с черными блестящими глазками, и обнюхивал его сапоги. Штеллер уже хотел замахнуться палкой, но тут увидел второго такого же зверька, потом третьего, четвертого. Каждую минуту к ним подбегали все но-

вые и новые, и скоро удивленный естествоиспытатель был окружен целой стаей штук в семьдесят. Они бесцеремонно разглядывали и обнюхивали незнакомца, лизали его ноги першавыми красными язычками. Штеллер крикнул на них, но они нисколько не испугались и ответили дружным собачьим тьяканьем.

Это были песцы.

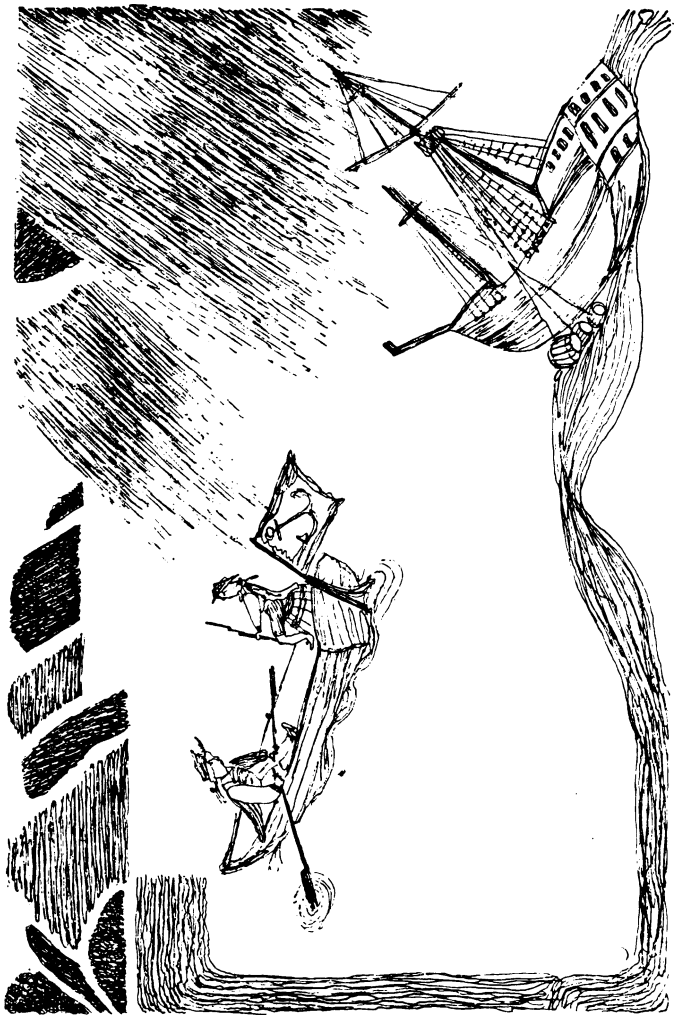
«Отчего они не боятся меня?—подумал Штеллер.— На Камчатке песцы так напуганы охотниками, что, увидев человека, бегут со всех ног. Неужели это в самом деле не Камчатка?»

Штеллеру так и не удалось разогнать песцов ни криком, ни палкой. Они всюду всей стаей следовали за ним как собаки. Шкурки этих животных чрезвычайно ценятся европейцами. На Камчатке в те времена их уже почти истребили охотники. Поэтому Штеллер не переставал дивиться их многочисленности.

За холмами ухало ружье Плениснера. Наконец, явился он сам, нагруженный шестью убитыми куропатками.

— Жаль, что у меня нет собаки, — сказал Плениснер, довольный своей добычей. — Куропаток здесь очень много. С собакой я бы настрелял их несколько дюжин.

Савва снова приехал на берег за водой и отвез Берингу куропаток и заячьей капустки, а Плениснер и Штеллер остались на суше. Они понимали, что команда больше не в состоянии жить на полуразрушенном корабле, который при малейшем волнении будет

разбит в куски. Больных нужно было возможно скорее вытащить из вонючего трюма на воздух. Свежий воздух и свежая пища — единственный способ бороться с цынгой. А на берегу возможна охота, следовательно, будет свежая пища. Излечив моряков от цынги, можно будет попытаться сухим путем добраться до какого-нибудь населенного места.

Но где будут жить эти измученные болезнью люди? Нельзя же оставить умирающих моряков под открытым небом, да еще в ноябре месяце! О том, чтобы построить на берегу какой-нибудь барак, нечего было и думать. Бревен, выброшенных морскими волнами, не хватило бы для такого сооружения, да и работоспособных людей оставалось так мало, что эта постройка заняла бы слишком много времени.

Но Штеллер обратил внимание на глубокие ямы, вырытые ветром в прибрежном песке. Если в этих ямах развести костры да покрыть их сверху остатками парусов «Петра», из них могли бы выйти недурные убежища от ветра, холода и снега.

Штеллер и Плениснер провели на берегу всю ночь, занимаясь устройством ям под жилье, а утром с помощью Овцына, Саввы Стародубцева, едва державшегося на ногах Хитрова и нескольких пощаженных цынгой матросов стали перевозить матросов на сушу.

В трюме была такая вонь и такой спертый воздух, что туда невозможно было войти. Даже у здоровых начиналась рвота, когда они спускались в этот удупливый ад. Решили перевезти сначала самых слабых

и самых опасных. Больные ни за что не хотели покидать трюм, говорили, что им здесь тепло, что от холода они умрут. Отобрав двадцать человек, Штеллер и Плениснер приказали силком положить их на носилки и вынести на палубу. К удивлению Штеллера, на свежем воздухе больным сразу стало хуже. Они почти все лишились сознания. Это несколько встревожило Штеллера, так как, казалось, опровергало его теорию о пользе свежего воздуха.

Больных на берег перевозили по-двое, ибо в шлюпке было слишком мало места. Десять раз шлюпка ездila от корабля к берегу и обратно.

Казак Фома Лепехин, стороживший больных на берегу, подошел к Штеллеру и сказал:

— Ваше благородие, с больными неладно. Не дышат.

Штеллер сначала неистово выругался, потом кинулся щупать пульсы.

Во время перевозки умерло девять человек.

Штеллер испугался не на шутку. До сих пор не было еще ни одного случая, чтобы в день умирало более трех человек. А за последний день, проведенный на море, не умерло ни одного. И вдруг — девять человек! И где — на берегу, когда их можно было считать уже спасенными!

Решено было пока больше больных на берег не свозить. Тем более, что все опасно-больные были уже на берегу. Софрона Хитрова, окончательно потерявшего способность держаться на ногах, Штеллер отвез

обратно на корабль и положил рядом с Вакселем.

Здоровые работали не покладая рук. Их было слишком мало, чтобы обслужить и кормить такое множество больных. Приходилось покрывать парусиной все новые ямы, таскать дрова для горящих круглые сутки костров, носить воду из ручья, охотиться и, главное, оберегать больных от песцов.

Песцы, наглые и многочисленные, превратились в грозную опасность. Они вертелись под ногами, вытаскивали мясо из котлов и с особенным аппетитом набросились на трупы матросов. Несмотря на постоянную охрану, умерших пришлось хоронить с обгрызанными руками и ногами, с искромсанными лицами. К несчастью, прожорливые зверьки не хотели отличать живых от мертвых, и их острые зубы изранили многих больных. Они до того осмелели, что напали даже на Штеллера, когда тот прилег вздремнуть у костра. Штеллер вскочил и изрубил топором девятнадцать песцов.

Их нельзя было испугать ни криками, ни побоями, ни даже стрельбой из ружья. Видя, с какой легкостью люди убивают их братьев, песцы становились только злее и отважнее. Огни костров привлекали их из самых дальних мест, и скоро вокруг лагеря собралась стая в несколько тысяч штук.

Берингу становилось все хуже и хуже. Ноги его отнялись и покрылись черными гнойными язвами. Десны распухли, и зубы вывалились. Он требовал, чтобы его немедленно перевезли на берег. Но Штеллер

отговаривал его от этого, вспоминая девятых матросов, внезапно умерших, когда их вынесли из воюющего трюма. Но под конец, видя, что больной и без того очень плох, Штеллер согласился выполнить волю своего начальника.

Девятого ноября Штеллер, Плениснер, Савва и Фома Лепехин положили Беринга на носилки и перевезли на берег. Они закутали его с головой в несколько одеял, чтобы перемена воздуха не была слишком внезапной и сильной. Больного капитана положили в специально приготовленную отдельную яму посуше и попросторнее других.

Потянулись тяжелые дни. Шел снег, наступили морозы, и дров не хватало. Все бревна, валявшиеся по соседству, были уже сожжены, и топливо приходилось таскать издалека. Плениснер, опытный охотник, с утра до вечера бродил с ружьем по холмам, но куропаток, которых он приносил, на всех не хватало, несмотря на то, что ему иногда удавалось убивать несколько дюжин. Приходилось есть песцов да жевать морские сухари, которые осточертели еще в море.

В довершение всего начались сильные ветры. Волны продолжали разрушать несчастного «Петра», беспомощно лежавшего на мели. Пришлось перевезти на берег оставшихся на нем больных моряков, спасти грузы, хранившиеся в корабельных кладовых.

К счастью, Хитров начал быстро поправляться. Скоро он уже мог работать наравне со здоровыми. Все

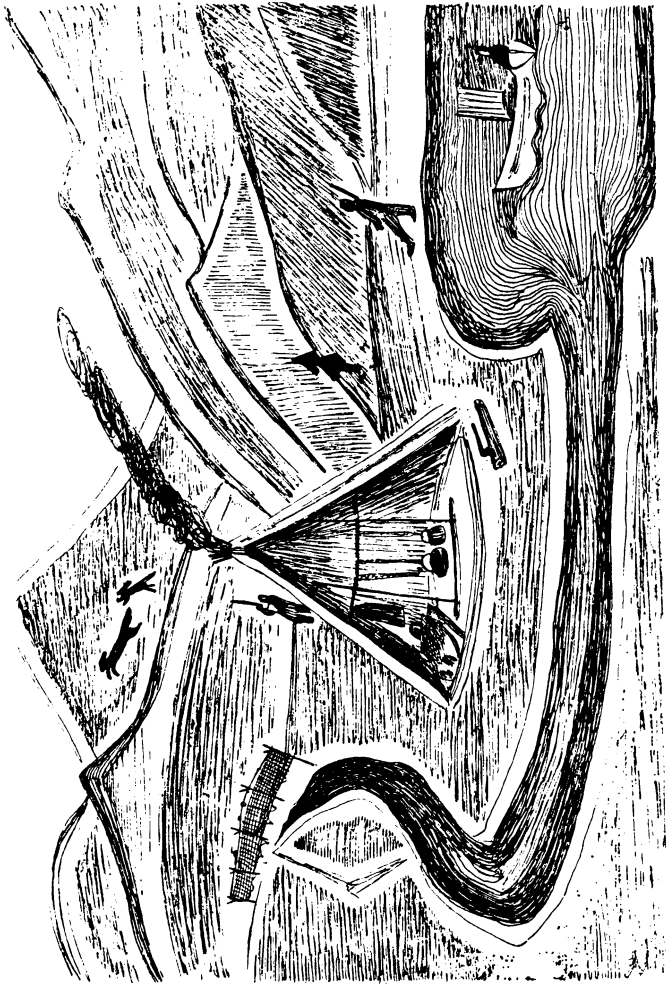
ямы были уже заняты и приходилось рыть новые. Поэтому больных переносили на берег по-двое, по-трое в день. На этот раз всех закутывали с головой в одеяло, и никто больше не умирал. Последним был перевезен Ваксель — 21 ноября.

Если бы он еще один день пробыл на корабле, он бы погиб, потому что ночью началась необыкновенная буря.

В течение трех суток в берег били волны вышиной в четырехэтажный дом. Люди боялись вылезать из своих землянок, — ветер валил их на землю. Поднялась такая метель, что через несколько часов землянки были занесены снегом на целый аршин.

Утро 24 ноября было морозное, солнечное. Вокруг лагеря метель намела огромные снежные сугробы. Ущелья между скалами были занесены снегом доверху, и вид местности совершенно изменился. Снег ослепительно сверкал и, рядом с белым берегом, море казалось совсем черным. «Петр» после бури бесследно исчез. Отмель, на которой он спокойно лежал в течение двух недель, опустела. Это опечалило и встревожило моряков, потому что на «Петре» оставалось еще много всякого ценного груза. Только к вечеру Овцын нашел остатки разбитого судна на берегу, в трех верстах от лагеря. Деревянный остов корабля, искалеченный и размытый морскими волнами, был похож на скелет какого-то небывалого чудовища.

А бедному капитану в этот день было особенно плохо. Рыхлые стены землянки, в которой он ле-

жал, обваливались, и его постоянно засыпало песком.

— Не раскапывайте меня, — говорил он Штеллеру, — мне так теплее. Мне ничего не надо.

Штеллер вспоминал, что у Беринга в Выборге есть два сына и дочь, которых он не видел уже десять лет, и ему вдруг до боли стало жалко этого кроткого, доброго, трудолюбивого человека.

2-го декабря Беринг умер.

После похорон Штеллер говорил Хитрову:

— У Беринга был один большой недостаток — он слишком ласково относился к своим подчиненным, которые вели себя своевольно и дерзко.

Хитров с удивлением взглянул на Штеллера. Ему странно было слышать это от человека, который во время всего путешествия с недопустимой дерзостью враждовал с капитаном и строчил на него гнусные доносы в Сенат.

ОТОРВАННЫЕ ОТ ВСЕГО МИРА

Беринг умер последним. После смерти Беринга в экспедиции никто уже не умирал. Цынга шла на убыль, больные быстро поправлялись. Но как поредела команда за время путешествия! Из семидесяти семи моряков, покинувших Петропавловск на «Петре», в живых оставалось только сорок шесть человек.

Теперь, когда не приходилось уже отдавать все силы на заботу о больных, решено было выяснить, что это за берег, на который их выбросила буря,

можно ли по суку добраться до каких-нибудь населенных мест. Штеллер все сильнее сомневался в том, что они находятся на Камчатке, но держал свои сомнения про себя, так как боялся, как бы его товарищи не упали духом.

В конце декабря на юг и на запад были посланы две маленькие экспедиции, которым поручено было попытаться отыскать сухим путем дорогу к Петропавловску или к какому-нибудь другому населенному месту. Во главе одной из них стоял Плениснер, во главе другой — Овцын. Штеллер тоже хотел пойти с ними, но не мог — больные еще нуждались в присмотре врача.

Плениснер вернулся со своим отрядом через три дня. На нем лица не было от усталости, он едва дотащился до лагеря.

— Мы заблудились в холмах, — рассказывал он, — и целые сутки бродили по занесенным снегом ущельям. Нигде — ни одного человеческого следа. Только песцы рыщут по обледенелым скалам. Мы прошли всю эту землю насквозь и вышли...

— Куда? — спросил Штеллер.

— К морю...

Эта весть опечалила всех. Стали ждать Овцына, но Овцын, вернувшийся на другой день, не принес ничего утешительного.

— Нашли что-нибудь? — кинулся к нему Штеллер.

— Нет, — ответил Овцын, утомленно опускаясь

на землю возле костра. — Мы перебрались через цепь холмов, и там — опять море. Назад мы вернулись берегом.

Оставалась только одна надежда, что эта земля соединяется с Камчаткой где-нибудь на севере. Если с севера — море, значит, наши моряки попали на остров, и притом остров необитаемый. Плениснер и Овцын во время своих скитаний по холмам не видели ничего, что бы указывало на пребывание человека в этих местах.

С севера горизонт заслоняла высокая гора. Она была гораздо выше всех окрестных холмов. Штеллер решил забраться на ее вершину и посмотреть оттуда, что находится за ней. Савва Стародубцев и он взяли с собой ружья, положили в мешки немного морских сухарей и рано утром вдвоем вышли из лагеря. Путь их сначала пролегал вдоль берега. Несколько раз они натыкались на большие стаи тюленей, вылезших из воды, чтобы отдохнуть на прибрежных камнях. Тюленей не обращали на путников никакого внимания и лениво подымали головы, когда Штеллер и Савва наступали им на хвосты. Штеллер вспомнил, как пугливы тюлени, которых он видел на Камчатке, и чувствовал, что он и его товарищи гораздо дальше от родины, чем они полагают.

Песцы шли следом за ними всю дорогу. Самки несли в зубах детенышей, самцы дрались, кусая друг друга за уши, но не отставали ни на шаг. К ночи Штеллер и Савва достигли подножья горы и решили лечь спать.

Развели костер, поели и задремали. Через полчаса Штеллер вскочил, почувствовав боль в ноге. У ног его сидел песец. Он острыми зубками в клочья изодрал голенище сапога и добрался до мяса.

Штеллер прогнал прожорливого зверька, заткнул дыру в сапоге тряпкой, и вдруг заметил, что Савва спит без шапки.

— Где твоя шапка, Савва? — спросил Штеллер, толкая его в бок.

Савва схватился за голову и выругался.

Рядом стоял песец и держал шапку в зубах.

Шапка была меховая, мохнатая, сшитая из песцовой шкурки. Савва купил ее на Камчатке. Песец таскал шапку осторожно и нежно теребил передними лапками. Савва замахнулся на него дубиной, но песец вывернулся и побежал по снегу. Савва погнался за ним. Песец останавливался, бросал шапку и, стоя над нею, сверкающими глазами в упор глядел на своего преследователя. Но когда Савва подходил совсем близко и нагибался за шапкой, песец снова схватывал ее и убегал.

— Стреляй в него, стреляй! — кричал Штеллеру Савва, теряя терпение.

Штеллер схватил ружье и выстрелил в темноту. Но песца уже не было.

Долго два человека бродили по снегу, кричали, стреляли, гонялись за неуловимым призраком с шапкой в зубах, то исчезающим, то появляющимся вновь. Наконец, злые и усталые, они побрели назад к костру.

Ветер шевелил волосы на голове Саввы, и ему было холодно.

Но, подойдя к костру, они увидели маленького пушистого зверька, который крепко спал возле огня, положив острую мордочку на шапку. Штеллер с ожесточением проломил ему спину прикладом. Шапка Саввы была спасена.

Остальную часть ночи спали по очереди — один спал, а другой оберегал его сон от песцов.

Утром, невыспавшиеся и озябшие, они полезли на гору. Склон был очень крут, и им приходилось почти все время карабкаться на четвереньках. Снега здесь не было — он не мог удержаться на таком крутом скате, ветер сметал его вниз. Камешки вырывались из-под ног и со звоном исчезали вдаль. Иногда путники отдыхали на узких террасах, окружавших гору словно поясами. На этих террасах Штеллер часто находил наносный лес, почти окаменевший от времени, и удивлялся, каким образом могли попасть эти пловучие бревна в места, лежащие так высоко над уровнем моря. Но он увидел застывшую лаву и понял все. Эта гора была создана землетрясением. Могучий вулканический толчок поднял вверх часть берега вместе с лежавшим на нем наносным лесом.

Поднявшись выше, они чуть не увязли в рыхлом птичьем помете, на целый аршин покрывавшем склон горы. Очевидно, каждым летом здесь гнездились стаи морских птиц.

Они торопились, потому что хотели добраться до

вершины раньше, чем начнет темнеть. Это им удалось. В три часа дня они уже стояли на большом плоском камне, который был самым высоким местом горы и находился в нескольких тысячах футов над уровнем моря. Но, увы! Внизу под ними клубился серый туман. Вершина горы возвышалась над туманом, как одинокая скала над океаном. Ничего нельзя было разглядеть.

— Подождем, — сказал Штеллер.

И они сели.

Здесь наверху был такой мороз, что борода Саввы обледенела и покрылась сосульками. Штеллер не мог разжать окоченевших рук. Но он чувствовал, что ветер крепчает и скоро прогонит туман. Лишь бы только туман рассеялся раньше, чем начнет темнеть! Зимой темнеет очень рано.

— Смотри, смотри! — закричал Савва. — Я вижу море.

Налетевший ветер рвал пелену тумана, как простыню. В серо-ватой завесе образовалась узкая щель, в которой блестела вода! Щель эта все росла и расширялась. По краям ее туман топорщился, кружился и лопался, как морская пена. Вот уже видны прибрежные скалы, вот засверкали покрытые снегом верхушки холмов. Вот выброшенный на берег разбитый остов «Петра» — каким он маленьким кажется отсюда! Вот дымки костров, разведенных в их лагере на прибрежьях. Вот уже открылся и горизонт. Облако тумана далеко унесено ветром и повисло на востоке мрачной серой тучей.

Штеллер посмотрел во все стороны.

— Мы на острове, — произнес он. — По суху отсюда не уйдешь.

Земля, на которую их вынесло бурей, была большим гористым островом. Вокруг всюду блестело море.

Наступили сумерки.

Озябшие путники медленно побрели вниз.

ЗВЕРЬЕ

— Предлагаю остров, на котором мы находимся, назвать «Островом Беринга», — сказал Ваксель, когда офицерский совет выслушал донесение судового врача. — А самую высокую гору на этом острове — «Горю Штеллера».

Хитров занес это постановление в журнал.

Теперь стало ясно, что о немедленном возвращении домой не могло быть и речи. Берег, на который их выбросило бурей, стал им тюрьмой, и нужно было поудобнее устроиться для жизни в этой тюрьме, потому что жить в ней предстояло долго.

Раньше всего нужно было позаботиться о пропитании. Морские сухари все были съедены, но в их распоряжении оставалось еще довольно много ржаной муки, которую Штеллер успел свезти на берег за несколько дней до бури, разрушившей корабль. Третью этой муки зарыли в особой землянке, на самый крайний случай, а остальную решили выдавать по фунту на человека. Потом принялись за охоту.

Вначале, когда Беринг был еще жив, охотился один

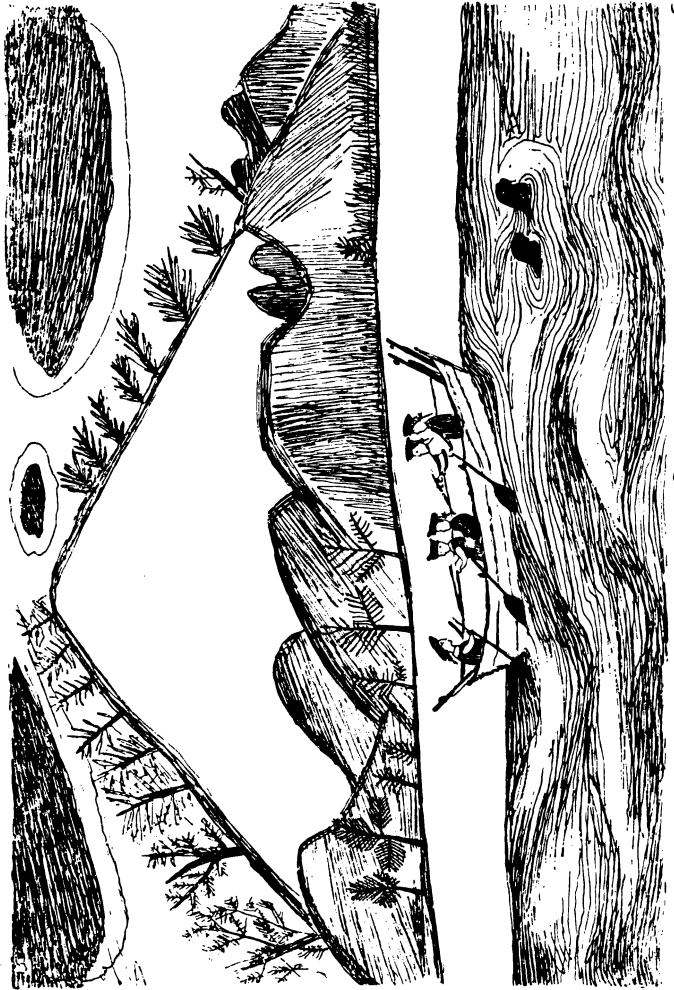
Плениснер — опытный и страстный охотник. Но, конечно, куропатками, которых он убивал, нельзя было прокормить сорок шесть голодных моряков. Поэтому ему в подмогу отобрали отряд в восемь человек и предложили им охотиться на более крупную дичь.

Раньше всего они взялись за тюленей. Тюлени в ясные дни большими стаями вылезали на берег и по многу часов неподвижно лежали, подставляя бока не греющему зимнему солнцу. Охотники нападали на них с дубинами в руках. В первую минуту тюлени не обращали на охотников никакого внимания. Но когда всем скопом люди бросались на одного тюленя и раздробляли ему череп девятью дубинами, все стадо устремлялось в бегство. Самцам обычно удавалось убежать, но самки, которые не решались покинуть своих, медленно ползущих, детенышей, становились жертвами жестоких охотников. Их избивали беспощадно, и скоро на опустевшем берегу оставалось несколько тюленьих трупов.*

Тюлени эти принадлежали к породе морских котов, и шкуры их очень дорого ценились на европейских рынках. Но нашим охотникам было не до шкур. Шкуры они отдирали, а туши тащили в лагерь. Сначала моряки пытались варить и есть тюленьё мясо, но оно оказалось совершенно не съедобным. Зато на тюленьем жиру можно было печь превосходно оладьи, которые и стали главной пищей несчастных мореплавателей. А мясо они швыряли прожорливым песцам.

Из-за этого мяса песцы еще охотнее стали собираться вокруг лагеря. Некуда деться было от вороватых, нахальных зверьков. Лагерь был похож на крепость, которую днем и ночью осаждало многотысячное голодное звериное войско. От них ничего невозможно было уберечь. Если человек хотел оставить себе на завтра убитую перепелку, он должен был лечь спать на нее. Но и это не всегда приводило к цели — песцы умудрялись выкрасть перепелку и из-под спящего человека. У моряков было несколько бочек с соленой свининой, которую они оставили про запас. Однажды Хитров заметил, что верхняя крышка одной из бочек проломлена и часть мяса исчезла. Он заложил дыру доской и положил на доску трехпудовый камень. Но в ту же ночь песцы совместными усилиями спихнули камень, отодвинули доску и сожрали солонину без остатка.

Зима стояла довольно теплая, сильных морозов не было, но парусина, покрывавшая землянки, была так тонка, что люди по ночам сильно зябли. Штеллер долго думал над тем, как сделать землянки потеплее. Наконец, он вырыл довольно глубокую яму, убил одного песца и бросил его на дно. И все песцы, стоявшие вокруг, кинулись в яму, чтобы сожрать своего убитого сородича. Яма доверху наполнилась пушистыми телами зверьков. Тут, по знаку Штеллера, на них набросилось десять человек с дубинами в руках. Через несколько минут из ямы вытащили около сотни песцовых трупов. мехом убитых песцов покрыли

землянки поверх парусины и там сразу сделалось тепло и уютно. Лагерь сверху стал голубым и пушистым.

7 февраля Штеллер сидел у себя в землянке и ел копченую рыбу с горячей лепешкой. Он уже собирался лечь и немного вздремнуть после обеда, как вдруг услышал странный подземный гул. Стены землянки зашатались, пол стал уходить у него из-под ног, песок посыпался на голову. Штеллер одним прыжком выскочил из своего жилища на воздух.

Вершины окрестных гор колебались, чертя в небе широкие петли. Вниз, в долины, скатывались снежные глыбы, камни и целые скалы. Земля под ногами тряслась, как крышка чайника, в котором кипит вода. Штеллер взглянул на море. Море было совершенно неподвижно и гладко. Это поразило его. Он привык видеть море колеблющимся, а сушу спокойной.

— Землетрясение! — кричали моряки, в ужасе выскакивая из землянок.

Землетрясение продолжалось две-три минуты, но оно натворило множество чудес и бед. Вид окрестных холмов совсем изменился. Одни стали выше, чем были раньше, другие ниже, третьи покосились на бок. Снежные шапки, украшавшие их вершины, съехали набок. В долинах всюду поверх снега валялись большие черные камни. Землянки моряков засыпало песком почти до верху. В них осталось много провизии, утвари, оружия и одежды. Хитров был очень взволнован исчезновением корабельного журнала, в

котором была записана вся история путешествия. Плениснер плакался, что у него погиб порох.

— Он, должно быть, смешался с песком, — жаловался бедный охотник, — как же мы будем теперь стрелять зверей?

Даже лопаты были погребены на дне землянок, так что раскопки приходилось начинать голыми руками. К счастью, никто из людей не пострадал от этого обвала.

Но мало-по-малу землянки были вырыты заново, и все вещи спасены. Корабельный журнал нашелся, но порох пришлось очищать от песка по зернышку.

Через несколько дней после землетрясения в лагерь вбежал Овцын и закричал:

— К нам принесло мертвого кита!

Все выбежали на берег.

Кит лежал возле самой воды, подняв к небу вздутое белесое брюхо. Огромная пасть, в которой свободно могла поместиться целая лошадь, была широко раскрыта. Это чудовище имело десять сажен в длину и казалось горой, тяжело придавившей прибрежный песок. Кит умер недавно и был еще совсем свежий. Под кожей у него находился толстый слой превосходного жира. Это было очень кстати, потому что тюлени за последнее время попадались редко, и жиру не хватало. Муки тоже стало мало — каждому выдавалось только по полфунта в день, так что даже мясом китовым брезговать не приходилось.

Моряки обступили кита со всех сторон, кто с но-

жом, кто с киркой, кто с лопатой. Они раскапывали его, как гору. Вырыв пещеру в несколько аршин глубиной, они разводили там костер. Жир таял и тек крепко пахнущими потоками в заранее подставленные бочки.

Но не одним только людям пришлось по вкусу этот неожиданный подарок океана. Небо над исполнинским трупом колыхалось, как черная сеть, от галдящих, кружащихся птичьих стай, привлеченных запахом мяса. Но самыми серьезными соперниками людей были, конечно, песцы. Их своры и днем и ночью копошились в мертвом ките. Для охраны мяса от этих хищников люди приставили к киту стражу, которую сменяли каждые три часа. Впрочем, песцы были слишком проворны и многочисленны. Они не только наедались доотвалу, но и то, что не могли съесть, тащили к себе в норы вглубь острова и прятали про запас.

Тем не менее, мяса и жира в ките было так много, что его хватило на всех — и на людей, и на зверей, и на птиц. До конца мая, в течение трех месяцев, моряки не испытывали нужды в мясе. Кит сытно кормил их. Они называли его своим провиантским магазином. Но когда пригрело летнее солнце, труп начал портиться и его пришлось оставить.

НОВЫЙ «ПЕТР»

Наконец растаял снег, чуть журчащие горные ручейки превратились в мутные бурные потоки, долины зазеленели травой, появилось множество новых птиц.

Моряки чувствовали, что они не в состоянии больше томиться в этой просторной скалистой тюрьме, весна принесла им невыносимую тоску, и тысячи новых планов освобождения появлялись в их головах.

Штеллер снова взобрался на гору и, на этот раз, вернувшись, рассказывал, что видел на западе очертание каких то берегов.

— Это Камчатка! — убежденно уверял он. — Мы не можем быть далеко от Камчатки!

Надежды разгорались все жарче. Пошли разговоры о постройке огромного плота с парусом, на котором вся команда могла бы доплыть до желанной Камчатки.

— Но ведь плот движется страшно медленно, и даже при попутном ветре нам придется плыть, может быть, несколько месяцев, — сомневались недоверчивые.

— Не беда! — возражали сторонники плота. — Пусть хоть несколько месяцев. Мы возьмем с собой много провизии и к осени доедем.

— Из чего же строить такой огромный плот?

— Из остатков «Петра» и из наносного леса.

Но скоро появился другой план, гораздо более выполнимый, и скоро перетянувший на свою сторону большинство. Овцын предложил построить большую лодку, на которой несколько человек могли бы добраться до Камчатки и оттуда прислать судно для спасения остальных.

— В Петропавловске наши посланцы встретят

Чирикова, который, верно, давно уже там, и он придет за нами на своем «Павле».

Этот проект казался простым и довольно верным. Но всех начал волновать вопрос: кто будут те счастливцы, которые уедут с Берингова острова в лодке и которым не придется дожидаться помощи? Ведь помощь, верно, придет только будущим летом! Каждому хотелось уехать поскорее, никто не желал оставаться. Матросы и казаки боялись, что в лодке уплывут офицеры и оставят их на произвол судьбы. Начались споры, подозрения, лагерь тайно волновался.

Чтобы предупредить скандалы и до всего договориться, Хитров и Ваксель 5-го мая созвали на совет всех обитателей лагеря. На этом совете они оба выдвинули новый план, более трудный, чем предыдущие, но зато более верный и никого не обижающий.

— Друзья! — заявил Хитров. — Никто не может нам поручиться, что земля, которую Штеллер видел с горы, действительно Камчатка. Это, может быть, такой же пустынный остров, как тот, на котором мы находимся. В таком случае, никакая лодка нам не поможет. А о плоте нечего и думать. Нам нужно построить корабль.

— Корабль! — раздались голоса. — Это невозможно!

— Это вполне возможно. У нас есть отличный материал — остов «Петра». Мы сделаем небольшой кораблик. Он будет тесен и неудобен, но ведь нам он нужен только для одного рейса. Днище мы зако-

нопатим сухим мхом и вместо смолы вымажем китовым жиром. К июлю наш корабль будет готов, и мы уедем, никого не оставив на острове.

Предложение было принято, но возник вопрос, кто достаточно сведущ в корабельном деле, чтобы руководить постройкой судна. На «Петре» было три отличных плотника, но все они умерли от цынги. Без плотников ничего нельзя было сделать.

Нужен был хотя бы один человек, который мог бы показать остальным, как взяться за работу.

Все снова начали падать духом.

Но тут вышел вперед Савва Стародубцев и сказал, что он родом из Красноярска, а красноярцы все прирожденные плотники.

— Наши красноярские артели на всю Сибирь славятся, — сказал он. — Если где нужно строить дом, монастырь или мост — всегда зовут красноярцев. В молодости я плотничал в Иркутске, а перед отправкой в море год проработал на верфи в Охотске.

— Так ты берешься построить корабль? — спросил его Хитров.

— Если мне все вычислят и дадут чертежи — берусь.

Штеллер взялся с помощью Вакселя сделать чертежи. К работе было решено приступить завтра же. Все с восторгом говорили о предстоящей постройке корабля. Но Хитров боялся, что впоследствии, когда работа окажется трудной и будет не ладиться, моряки станут обвинять его и Вакселя в том, что они втравили

их в это предприятие. Для того, чтобы избежать будущих нареканий, он взял лист бумаги, написал на нем решение совета и предложил всем присутствующим расписаться. Грамотные расписывались, а неграмотные — их было большинство — поставили кресты.

На следующий день все пошли разбирать остов «Петра». Бедный старый корабль имел ужасно жалкий вид. Подводные камни превратили его дно в решето, мачты были сломаны, обшивка сорвана. Но бревна его скелета были плотны и крепки.

Работали усердно и дружно. Многие даже на ночь не возвращались в лагерь, и, разведя костры, спали тут же у корабля.

Лето пришло дождливое, но теплое. Все думали только о работе. На охоту не оставалось времени, и запасы быстро иссякали. Муку экономили, как могли, потому что ее должно было хватить до самого Петропавловска. Жили впроголодь, но никто не ворчал, не отчаивался — все мысли были заняты работой. Штеллер вычертил планы, остов старого судна разбирали, и новый корабль рос с каждым днем.

Дни становились длиннее, ночи уменьшались, и моряки радовались этому, потому что можно было раньше приходиться на работу и позже уходить. Топоры стучали с утренней зари до вечерней. Всем распорядился Савва. Бородатый, величавый, спокойный, уверенный в своих силах, он оказался великим мастером. Все беспрекословно повиновались ему — и офицеры, и простые моряки.

Штеллер собирал мох, которым нужно было законопатить судно. Он собрал несколько десятков пудов мха и для того, чтобы высушить его, построил на берегу особую печь.

Несмотря на все усердие, работа подвигалась медленнее, чем предполагали. Только в середине июня начали обшивать бревна досками. А когда принялись вымазывать днище жиром, то тут выяснилось, что китового жира, оставшегося в кладовой, на это не хватит. Летом почти нечего было есть, и голодные моряки так густо вымазывали этим жиром свои жалкие мучные лепешки, что он быстро истощился. Жир нужно было достать немедленно, и не только для того, чтобы вымазать им корабль, но и чтобы было что есть во время переезда.

Как на зло, тюлени, которых уже весной стало мало, летом совсем исчезли. Но Штеллер давно уже замечал невдалеке от берега толстых странных животных, широко разевавших рты и глотавших тину. Животные эти были величиной с большую лодку. Их можно было бы принять за рыб, если бы они не подымались на поверхность каждые десять минут, чтобы подышать чистым воздухом. Это заставило Штеллера решить, что заинтересовавшее его животное — китообразное млекопитающее, которое хотя живет в воде как рыба, но не имеет жабр и кормит детей молоком. Штеллер не встречал описания этого животного ни в одном зоологическом сочинении, и назвал его «морской короной». Название было меткое, потому

что чудовище это двигалось медленно, словно корова, и постоянно жевало морскую траву.

Штеллер рассказал о своем открытии товарищам, и те решили устроить охоту на морских коров, чтобы достать жиру, так необходимого для них.

Выполнение этого плана поручили Плениснеру. Плениснер из палки и большого гвоздя устроил заправский гарпун, привязал к нему веревку, сел в шлюпку вместе с двумя гребцами и отправился на промысел.

Но вначале его постигла неудача. Правда, морская корова подпустила шлюпку очень близко к себе, доверчиво высунув из воды голову и огромную спину. Но когда гарпун по рукоятку вонзился в нее и Плениснер крепко сжал в руке веревку, она рванулась вперед с неистовой быстротой и повлекла за собой шлюпку как щепку. Через секунду шлюпка перевернулась, охотники оказались в воде, а чудовище вместе с гарпуном и веревкой исчезло в глубине, оставив за собой в волнах розовый кровавый след.

Кое-как выбравшись на берег и вытащив шлюпку, Плениснер тотчас же принялся устраивать новый гарпун. Он на этот раз привязал к нему морской канат длиной в десять сажень. Конец этого каната он дал двадцати двум здоровенным морякам. Моряки остались на берегу, а Плениснер с гарпуном в руках сел в шлюпку все с теми же двумя гребцами и отправился на охоту. Канат медленно разматывался, волочась по воде.

Вскоре он заметил вторую морскую корову, которая, казалась, была еще больше, чем первая. Он осторожно подъехал к ней и изо всей силы швырнул гарпун.

Чудовище с такой силой рванулось вперед, что моряки, стоявшие на берегу и державшие конец каната, попадали на землю. Но каната они не выпустили. Чудовище, истекая кровью, металось из стороны в сторону, подымало высокие волны, подскакивало в воздух, ныряло в глубину, но уйти не могло. Крепкий канат не отпускал его. Моряки то-и-дело кувыркались по прибрежному песку, не в силах устоять на ногах, но твердо держали свою добычу. Животное ослабевало с каждой минутой, и сильные руки моряков подтягивали его к берегу.

Прошло не меньше трех часов, прежде чем они выволокли его на берег. Огромный хвост, способный одним взмахом убить быка и переломать кости слону, едва колебался. Чудовище громко и тяжело вздыхало, совсем по-человечьи. Кричать оно не могло — у подводных животных нет голоса.

Эта морская корова доставила команде двести пудов жира и мяса. Мясо оказалось нежным и вкусным. Жир по своим качествам тоже был много лучше китового. Этот жир целиком пошел на смазку корабля.

10-го августа корабль, наконец, был спущен в воду. Он был мал и неуклюж, имел всего одну мачту, всего две каюты, да и то одну из них пришлось переделать под кухню. Но для наших моряков он был милее всех

гигантов, бесстрашно пересекающих океаны. Они не могли им налюбоваться. Ведь он отвезет их домой, вырвет их из постылого плена.

— А как мы назовем наш корабль? — спросил Штеллер Савву Стародубцева.

Савва отложил в сторону топор и задумался.

— Назовем его «Петр» — сказал он, — в честь доброго старого «Петра», из костей которого мы его построили.

— Ура!.. Да здравствует новый «Петр»! — закричали моряки.

ИЗБАВЛЕНИЕ

Торопливо грузили моряки свой новый корабль. Бочки с жиром морской коровы, бочки с пресной водой, бочки с мукой — все нужно взять, потому что кто знает, сколько им еще придется пробыть в дороге.

Потом вспомнили о песцовых шкурках: здесь, на острове, они не имели никакой цены, но на Камчатке за них дадут большие деньги. А шкурок накопилось множество. Один Штеллер вез их больше пятисот штук.

Когда нагрузка была кончена, моряки простились с островом, на котором они прожили девять месяцев, взошли на нового «Петра» и подняли паруса. «Петр» неторопливо поплыл вдоль скалистых берегов на запад.

Сорок шесть человек едва уместались на маленьком суденышке. Теснота мешала работать. Половина пас-

сажиров принуждена была безвыходно сидеть на палубе, потому что каюта не могла всех вместить. Но никто не ссорился, не ворчал, каждый безропотно сносил все неудобства.

Берега медленно таяли вдаль, «Петр» вышел в открытое море. Вот скрылись последние утесы этого мрачного острова, на котором похоронено столько их товарищей, и только острая верхушка горы Штеллера сияет еще в небе. Но скоро и ее закрыло пушистое облако тумана.

Савва Стародубцев хорошо сделал свое дело. «Петр» шел легко и быстро, и управлять им было нетрудно. 18-го августа началась довольно сильная буря, но корабль вынес ее спокойно и стойко.

25-го впереди увидели землю. Это была Камчатка, сомневаться было невозможно. Они узнали ее по хорошо знакомым очертаниям гор.

— Ура! — кричали моряки и плакали от счастья как дети.

Через два дня они вошли в Петропавловский порт. Все жители городка вышли им навстречу.

— А где же Чириков? — спросил Штеллер, взволнованно ища глазами высокие мачты «Павла».

— Не беспокойтесь, — ответил ему начальник порта, — Чириков уехал в Охотск. Он все лето плавал на «Павле» по морю, надеясь найти вас. Он обыскал каждый закоулок камчатских берегов. Ему не верилось, что вы погибли, и, уезжая, он оставил у меня для вас большой запас провизии.

Это было очень кстати. Только теперь, когда все мытарства кончились, моряки почувствовали, как они устали и изголодались. Отдых и сытная пища казались им недосыгаемым блаженством.

— А Чириков тоже побывал в Америке? — спросил Штеллер.

— Да, — ответил начальник порта.

ПРИКЛЮЧЕНИЯ ЧИРИКОВА

Как же добрался до Америки Чириков? Что случилось с ним и с его подчиненными после того, как «Павел» разлучился с «Петром»?

Это злополучное разлучение судов произошло 20-го июня 1741 года. «Павел» в течение суток кружился на одном месте, надеясь найти пропавшего «Петра». Наконец Чириков решил, что Беринг ушел вперед, и приказал плыть на восток.

15-го июля раздался крик:

— Горы! горы!

На горизонте показались синие вершины гор, которые быстро росли и приближались. Перед сумерками «Павел» подошел к заросшему лесом скалистому берегу. Чириков достиг Америки на целые сутки раньше Беринга. Место, на котором высадился Беринг, находилось гораздо севернее, и корабли никак не могли встретиться.

Чириков тотчас же послал шлюпку поискать удобной якорной стоянки. Но шлюпка ничего не нашла—

вдоль берега тянулась широкая мель, к которой кораблю подходить было опасно.

16-го весь день шли к северу, не теряя из виду земли и подробно занося берег на карту. 17-го увидели довольно большой залив. Чириков вызвал штурмана Абрама Дементьева и сказал:

— Возьми десять человек, садись в большую шлюпку и поезжай в залив. Если там настолько глубоко, что вслед за вами может пойти «Павел» — дай залп. Высадись на берег и поищи жителей. Узнай у них, как называется эта земля, под чьей она властью, посмотри, много ли в ней живет людей. Если жители окажутся враждебны — дай три залпа из ружей и сразу гребь к судну. Я вас жду не позже темноты.

Для подарков жителям в шлюпку положили два котла — один медный, другой железный, — три боченка стеклянных бус, иглы и китайские материи. Шлюпку спустили на воду, и в нее село одиннадцать моряков.

— Вырой на берегу яму! — кричал Дементьеву Чириков. — Может, там найдешь какую-нибудь драгоценную руду.

И швырнул в шлюпку сверкающий камешек — кусочек серебряной руды, для образца.

Белесый туман, стлавшийся над водой вдоль берега, скоро поглотил шлюпку. Но с корабля долго еще были слышны мерные всплески весел и веселые крики матросов.

Чириков долго ждал условленного залпа, но не

дождался. «Верно в заливе мелко, и «Павлу» туда не пройти», думал он.

Днем он был спокоен, но когда вечером Дементьев не вернулся, он слегка встревожился.

— Дементьев не пропадет, он человек толковый, — успокаивал капитана его друг штурман Елагин. — Если он остался на ночь на берегу, значит, нашел там что-нибудь важное и полезное. Завтра утром они все будут здесь.

Но прошло утро, потом пообедали, снова день стал клониться к вечеру, а Дементьев не возвращался. Легли спать, наступило новое утро. Чириков приказал палить из всех пушек. Он думал, что посланные на берег люди заблудились где-нибудь в лесу, и хотел пушечной пальбой дать им возможность найти дорогу. Но грохоту пушек отвечало только дальнейшее лесное эхо. Кругом было пусто и безмолвно попрежнему.

Тогда Чириков попробовал ввести «Павла» в залив, чтобы попытаться понять, что там произошло. «Павел» медленно шел по широкому проливу, соединяющему залив с океаном. На носу стоял матрос и лотом измерял глубину. С каждой минутой становилось все мельче и мельче. Наконец, «Павел» принужден был остановиться и повернуть назад.

Так прошла неделя — мучительная неделя тревог и ожиданий. 23 июля в вечерних сумерках на берегу заметили огонь как раз в том месте, где должен был высадиться Дементьев.

— Это наши! — закричал капитану Елагин. — Они развели костер, чтобы позвать нас на помощь.

Чириков приказал снова дать пушечный залп.

Но с берега не ответили.

— У них, верно, дикари отобрали ружья, — сказал Елагин. — Необходимо немедленно послать кого-нибудь им на помощь.

На «Павле» оставалась только одна маленькая шлюпка, в которой могло поместиться всего несколько человек. Боцман Савельев предложил съездить в ней на берег.

— Дайте мне в подмогу плотника и конопатчика, — сказал он. — Мы починим большую шлюпку, если она нуждается в починке, и привезем всех на корабль.

В шлюпку положили бочку с провизией, чтобы подкрепить силы оставшихся на берегу, и спустили на воду. В нее село четыре человека — боцман, плотник, конопатчик и матрос.

— Чуть высадитесь на берег — стреляйте! — крикнул им Чириков. — Тогда я буду знать, что вы доехали благополучно.

Шлюпка скрылась в темноте. Чириков не спал всю ночь и ждал выстрелов. Но не дождался. Все было попрежнему тихо, и только огонек костра всю ночь пылал на берегу. Вторая шлюпка исчезла так же бесследно, как и первая.

На «Павле» больше не было шлюпок. Чириков прождал еще несколько дней, но безрезультатно. Тогда он приказал открыть по берегу артиллерийский

огонь. С ревом полетели в лес чугунные ядра и в подзорную трубу было видно, как рушились вековые сосны и кедры. «Павел» поднял паруса и пошел вдоль берега к северу, оставив позади тайну гибели пятнадцати человек.

Чириков больше не пытался высаживаться на американский берег, потому что без шлюпок это сделать было невозможно. А между тем пресной воды на «Павле» оставалось совсем мало. Так как не было никакой надежды запасться водой в Америке, Чириков поспешил обратно к Камчатке.

На обратном пути он открыл всю цепь Алеутских островов, кроме острова Беринга, которого не заметил. На одном острове он нашел превосходную гавань и вошел в нее. Алеуты обступили корабль в своих легких челночках. Моряки, страдая от невыносимой жажды и не имея возможности съехать на берег, знаками просили дикарей привезти им пресной воды, предлагая за это любые сокровища. Несколько молодых алеутов с разноцветными лицами подвезли к кораблю тюленью кожу, доверху наполненную водой, но не хотели отдать ее, пока им не заплатят. Матросы бросили туземцам несколько превосходных стальных ножей. Алеуты спрятали ножи за пазухи, вылили пресную воду в море и уехали.

Печально и тяжело было возвращение «Павла» из Америки. Кашу варили только раз в неделю, потому что на нее выходило слишком много воды. Каждый день кто-нибудь умирает от цинги или от жажды.

9 октября «Павел» вошел, наконец, в Петропавловскую гавань. Пушечным выстрелом вызвали на помощь шлюпку. Из семидесяти пяти человек, отправившихся в плавание с Чириковым, вернулось только сорок девять.

КОНЕЦ ЧЕЛОВЕКА С ДУРНЫМ ХАРАКТЕРОМ

Уцелевшие участники Беринговой экспедиции недолго оставались на Камчатке. Одни стремились поскорее повидать своих жен и детей, другие хотели служить в каком-нибудь более заметном месте, чтобы быть на виду у начальства и скорее получить повышение, третьи просто мечтали побывать на родине. Все одинаково устали, одинаково соскучились по мирной, спокойной жизни и с первой же возможностью поспешили в Охотск, а оттуда в Россию.

Один неутомимый Штеллер не хотел возвращаться. Он построил себе в Петропавловске избу и прожил в ней два года, занимаясь охотой, собиранием растений, черчением карт, изучением обычаев и языка камчадалов. Дикая нелюдимая жизнь была ему по душе. Но и тут ему мешал его невозможный характер.

В Петропавловске жил казачий атаман, по фамилии Хметевский, забулдыга и пьяница. Этому Хметевскому было поручено собирать налог с камчадалов. Он нещадно разорял всю страну, брал взятки и прокучивал свои огромные получки. Вот с этим-то человеком и подружился Штеллер. Каждый вечер они

устраивали попойки и потом буянили, наводя ужас на весь городок.

Но эта дружба была непродолжительна. Они скоро поссорились и превратились в злейших врагов. Штеллер был сильнее Хметевского и избил его так, что тот две недели провалялся в постели. Тогда Хметевский попробовал на охоте подстрелить своего бывшего приятеля. Но Штеллера предупредили камчадалы, и он во-время заперся у себя в избе.

Клокоча от злобы, не смея носа высунуть на улицу, Штеллер прибег к своему излюбленному способу борьбы: он стал писать на Хметевского доносы в Сенат. Хметевский узнал об этом и отплатил ему той же монетой — он стал писать доносы в Сенат на Штеллера. Оба бывших приятеля обвиняли друг друга в самых невероятных преступлениях. Правды они не писали, потому что правда казалась им слишком бледной и неубедительной. Если бы Штеллер написал в Сенат, что Хметевский берет взятки, сенаторы только улыбнулись бы. Они сами брали взятки, да и какой чиновник царской России не брал взяток? Нет, если уже доносить, так доносить! И доносчики обвиняли друг друга в каких-то заговорах, в подготовке бунтов, в желании ниспровергнуть власти и святую православную веру.

Но почта из Петропавловска в Петербург в те времена шла ровно год. Так что сенатского ответа можно было ждать только через два года. А жить в Петропавловске скучно, и два злейших недруга скоро

помирились, забыли все ссоры, и снова стали вместе пить и буяннить.

К лету 1744 года у Штеллера накопилось столько материалов, что он решил везти их в Петербург и опубликовать. 3 августа он сел на корабль и поплыл в Охотск. Весной 1745 года он прибыл в Якутск, а осенью был в Иркутске.

Между тем курьеры, звеня колокольцами, переплавляясь на плотах через необозримые реки, загоняя до смерти казенных лошадей, примчались в Петербург, привезя кипу доносов — Штеллера на Хметевского и Хметевского на Штеллера. Сенаторы прочли доносы, ничего в них толком не могли понять и на всякий случай разослали по всем сибирским городам предписание, что куда бы ни явились Штеллер и Хметевский, их немедленно схватить и отправить в Иркутск в тамошнюю Канцелярию для допроса.

Штеллер приехал в Иркутск как раз в тот день, когда там было получено это распоряжение Сената. Его арестовали и отвели на допрос.

Иркутская канцелярия была отделением петербургской Тайной Канцелярии. Служившим в ней чиновникам, конечно, ничего не стоило отрезать Штеллеру уши и отправить на каторжные работы в Нерчинские рудники. Но, к счастью, до Иркутска дошли уже слухи, что участники Беринговой экспедиции в Петербурге были очень обласканы. Особенно пошел в гору Чириков, милостиво принятый императрицей. Начальство канцелярии испугалось, что у Штеллера

могут быть крупные связи, и решило замять дело. Штеллер был отпущен и не спеша поехал в Петербург, а в Сенат поскакал нарочный с письмом из Иркутска, в котором говорилось, что Иркутская Канцелярия, допросив адъюнкта Академии Наук Георга Штеллера, нашла его ни в чем не виновным.

Весной 1746 года Штеллер добрался до Соликамска, маленького городишка на северном Урале. Его заинтересовала растительность этой местности, он решил остановиться на несколько недель и изучить ее.

Соликамск стоял в стороне от большой дороги. Совсем недавно добралось туда постановление о том, что если в городе появится Штеллер, его надо немедленно схватить и отправить под конвоем в Иркутск. Соликамская полиция не знала, что он уже был в Иркутске и оправдался. И вот, через несколько дней после приезда, Штеллер был арестован и посажен в повозку.

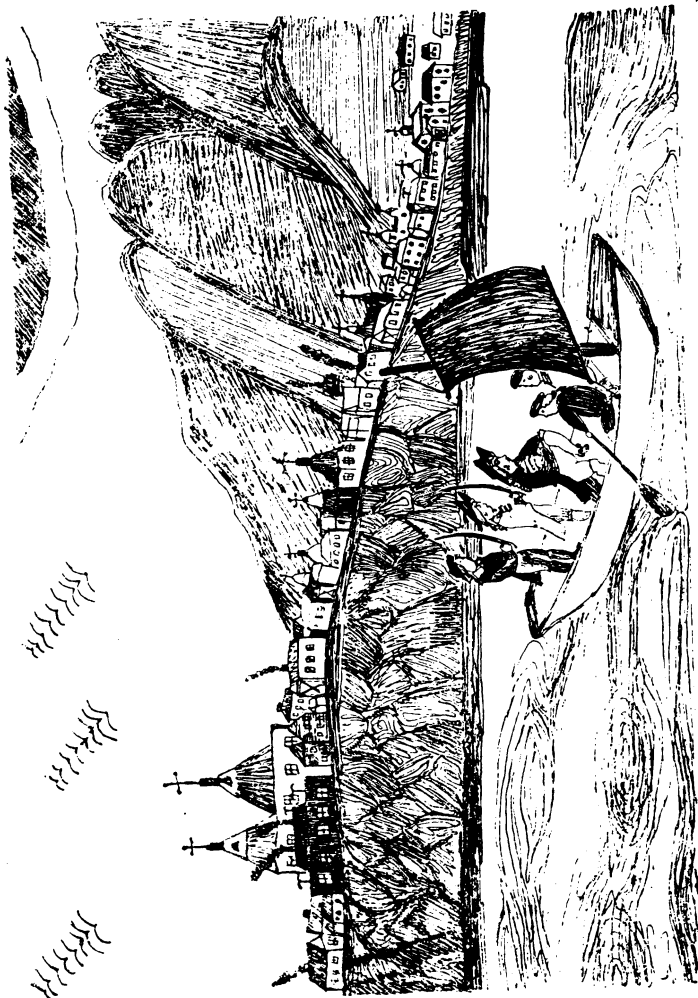
— Я уже был в Иркутске! — кричал бедный ботаник.

— Вот распоряжение Сената, — отвечали ему. . . . Мы обязаны повиноваться.

— Это безобразие! Я буду жаловаться!

— Вот распоряжение Сената. Поезжайте в Иркутск, там разберут.

Но Штеллеру не хотелось девять месяцев мчаться назад по дороге, которую он только-что проехал. От Соликамска до Иркутска четыре тысячи верст. Он

начал скандалить, орать, поднял деревянную скамейку и ударил полицейского офицера, пришедшего его арестовать.

Штеллера избили, заковали в кандалы, бросили в телегу и повезли. Но он не унимался и в дороге. После нескольких неудачных попыток избить ямщика, он однажды ночью, когда конвой распряг лошадь, вскочил на нее и умчался. Но ноги его были скованы кандалами и он не мог как следует сидеть верхом. Лошадь сбросила его и ускакала.

Конвоиры нашли Штеллера в овраге, с израненной головой, почти без чувств. Офицер, сопровождавший несчастного ученого, пришел в ярость. Он раздел его, привязал к телеге, достал вожжу и стал бить. Он бил до тех пор, пока не задохнулся, и затем передал вожжу солдату. Со спины Штеллера содрали всю кожу. Солдат продолжал стегать по кровавому голому мясу, пока истязуемый не лишился сознания. Тогда офицер обернул раны адьюнкта Академии Наук рогожей, бросил его в телегу и помчался дальше.

Прошло лето. А осенью в Соликамск из Петербурга привезли известие, что Штеллер еще год тому назад был оправдан Иркутской канцелярией. Соликамские власти перепугались. Они вспомнили, что Штеллер грозил жаловаться, и почувствовали недоброе. По иркутской дороге послали верхового курьера, которому приказано было догнать и вернуть Штеллера.

Штеллера освободили на берегу Иртыша, в тысяче верст от Соликамска. Несчастный ученый нанял бричку и помчался назад. Он должен был заехать в Соликамск, потому что там остались все его записки и коллекции, относящиеся к изумительному путешествию Беринга в Америку.

Штеллер был тяжело болен. Его могучее здоровье, вынесшее и долгие скитания по бурному океану, и голод и жажду, и девятимесячную жизнь на необитаемом острове, не выдержало побоев конвойного офицера. Раны на спине не заживали, каждый день горлом шла кровь, и, наконец, не доезжая Тюмени, Штеллер умер в своей повозке.

О Г Л А В Л Е Н И Е

	стр.
Молодой человек с дурным характером	3
Санкт-Питер-Бурх	8
Самая длинная дорога в мире	19
Камчатка	28
Америка	34
Двое в неведомой стране	38
Внезапное отплытие	46
Дикари	49
Встречный ветер	56
Во власти урагана	58
Таинственный берег	63
Оторванные от всего мира	74
Зверье	80
Новый «Петр»	86
Избавление	94
Приключения Чирикова	96
Конец человека с дурным характером	101

50 коп.

переплет 20 к.

2

АВР 1929